

№4
Апрель 2018

ТРУССКИЙ КЛУБ

АЗБУКА
МЕЛЬПОМЕНИ

С. 6





Мир без преград



*Банк ВТБ – Генеральный спонсор
Московского Международного
Кинофестиваля*

8 (800) 200–77–99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№5
(151)
Апрель 2018

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 АЗБУКА МЕЛЬПОМЕНЫ
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 11 «ОБАЯНИЕ НА ДЕСЯТЬ ЧЕЛОВЕК»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 14 «ОН БЫЛ ОЧЕНЬ МУДРЫМ РЕКТОРОМ»
ЛАДО ТАВАДЗЕ
- 16 ВЛАДИМИР ДОЛИДЗЕ: ТИТАН НАУКИ ГРУЗИИ
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 20 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 27 МЦЫРИ – УЗНИК ШИОМГВИМЕ?
РОКСАНА АХВЕРДЯН
- 30 ЗЕЛЕНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ИРИНА КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ
- 35 «НИКА» – ФИЛЬМУ ЭЛЬДАРА ШЕНГЕЛАЯ
- 36 «...ИМЕННО В ТОТ МОМЕНТ НАДО БЫЛО БИТЬ»
ДЕМИКО ЛОЛАДЗЕ
- 38 ЧЕЛОВЕК «МУЗЫКАЛЬНОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 40 СОЗИДАТЕЛИ ОТ «ПАЛИАШВИЛИ»
ТЕЙМУРАЗ АБАШИДЗЕ
- 44 «СТАРАЮСЬ ИДТИ ВПЕРЕД»
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
- 46 МАЛЬЧИК НА ФОНЕ ДЕРЕВА. ДЕТАЛЬ
НИКОЛАЙ ШАХБАЗОВ

На обложке – Театр юного зрителя им. Н. Думбадзе
Фото Александра Сватикова



ОТ ДО

— Роб АВАДЯЕВ

ДОЛГИЙ ПУТЬ ПЕРА ГЮНТА

Всю свою жизнь он поступал, как велела ему совесть и свободолюбие. Но самой свободе он придавал меньшее значение, чем борьбе за нее. Он даже сказал однажды: «Единственное, что я ценю в свободе, — это борьбу за нее. Обладание же ею меня не интересует». Он вообще отличался меткостью фраз, ибо был выдающимся литератором-новатором. Великому норвежскому писателю Генрику Ибсену исполняется 190 лет со дня рождения. Он родился весной 1828 г. в небольшом городке в семье довольно богатого коммерсанта, который, впрочем, разорился, когда сыну не исполнилось и восьми лет. Семья, конечно, не голодала, но Генрику пришлось рано начать работать. Сам он считал ранний труд благом, ибо

с юности стал много времени проводить вне домашней жизни, больше общаясь с широким кругом людей. А потом Ибсен увлекся театром и стал писать пьесы, сразу сделавшие его имя известным. Особенно пьеса «Богатырский курган», которую поставили в самой Христиании — будущей столице Норвегии Осло. Там призыв молодого драматурга с обращением к народным корням был широко услышан и нашел отклик в среде национально ориентированной просвещенной молодежи. Ибсен возглавил первый национальный норвежский театр в Бергене, а спустя годы Норвежский театр в Христиании. Руководству театрами он посвятил больше десяти лет. За этот период он написал целый ряд «средневековых» пьес. Но настоящим творцам свойственно развиваться — Генрик Ибсен разочаровался в национализме и перестал романтизировать прошлое. Он на долгие четверть века уехал в Европу, где открыл в себе нового Ибсена — основателя европейской «новой драмы». Тогда появились стихотворные поэмы «Бранд» и «Пер Гюнт» и драма о Юлиане Отступнике «Кесарь и Галилеянин». Но главное, появился гениальный «Кукольный дом», прославивший Ибсена-драматурга на весь мир и ставший жемчужиной в репертуаре многих театров. Сам он говорил: «Тысячи слов оставят меньший след, чем память об одном поступке». И этим поступком Ибсен считал именно «Кукольный дом». Он вернулся домой и стал гордостью своего народа, его настоящим Пером Гюнтом. Память о нем увековечили, назвав его именем Международную премию. А сама жизнь Ибсена обросла легендами, и многие его чудачества, странности и остроты вошли в фольклор. Например, он был настолько молчаливым, что стеснялся ходить в гости: «Я в гостях почти не разговариваю. Остальные гости, глядя на меня, тоже умолкают. Хозяева становятся раздражительными. Зачем мне это? Когда же я не прихожу в гости, общество имеет замечательную тему для разговоров».

ЛЕГЕНДА О ГЕНИАЛЬНОМ ГАСТАРБАЙТЕРЕ

Он приехал в Россию именно на заработки, что называется, за «длинным рублем». В России в XIX веке и ранее, еще со времен царя Петра, платили иностранным специалистам вполне прилично. Лучше всех инженерам, кораблестроителям и военным — сам Бонапарт подражался служить офицером в императорской артиллерии, не устроили какие-то детали и не договорился. Вот и деятелям искусств были рады в Северной Пальмире. Французский танцовщик Мариус Петипа приехал в Петербург поблистать на сцене и заработать, а остался здесь на всю жизнь, став гордо-



стью русского балета, педагогом и выдающимся хореографом. Его ангажемент в России устроил его папа, известный французский танцовщик Жан-Антуан Петипа. Глава большого семейства всех своих детей пристроил к сценической карьере, проявив качества незаурядного антрепренера. Мариус с самого раннего возраста принимал участие в отцовских постановках и объездил с гастролями Европу и Америку. Выбиралось популярное произведение, ставился балетный спектакль и катался по городам и весям. В наше время это называется «чесом». В такой вот конвейерной работе и выковывались характеры «кондотьеров сцены». И Мариус, едва дожив до тридцати, отправился протапывать дорожку



на богатый русский театральный рынок... Но полюбил Россию от всего сердца, избрав ее второй родиной. Сначала была исполнительская деятельность – Петипа танцевал в спектаклях, как балетная европейская звезда. Потом стал «играющим тренером», как говорят в футболе – то есть и танцевал, и готовил молодых танцовщиков. А потом и вовсе стал театральным директором, хореографом и постановщиком балетных спектаклей, авторитетом даже для императорского двора. Каким он был танцовщиком мы, конечно, уже не узнаем – видео тогда еще не изобрели, но хореографом он оказался гениальным. Некоторые его спектакли идут на сцене уже почти полтора века. Особенно плодотворной оказалась его «связка» с великим русским композитором П.И. Чайковским – «Спящая красавица», «Щелкунчик», «Лебединое озеро». Всего за жизнь этот «гастарбайтер», ставший выдающимся русским балетмейстером Мариусом Ивановичем Петипа, поставил более 60 оригинальных балетов, не считая балетных фрагментов в оперных и драматических спектаклях. Весной этого года отмечается его двухсотлетний юбилей!

МУЗЫКАНТ НА 15%

Он был почти совершенным гением. Но при этом вовсе не вел асоциальный образ жизни, не был алкоголиком, не был замечен в скандалах, обошелся без головоломных романов с героиневыми femme fatale, иссушающих душу ночных бдений за карточным столом. Нет, Сергей Васильевич Рахманинов, которому исполняется 145 лет со дня рождения, по его собственному утверждению, был на 85% человеком и только на пятнадцать музыкантом. Он был гением в исполнительском искусстве, немного было на свете таких же пианистов-виртуозов как композитор. Его считали последним из великих традиционных музыкантов XX века без увлечения заумностью, нарочитой сложностью и додекафонизмом. А главное, Сергей Васильевич был прекрасным человеком, настоящим, глубоким, щедрым. Он любил людей и бескорыстно



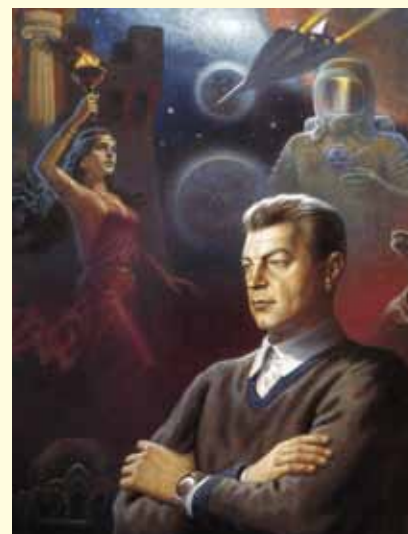
помогал им, любил Родину, поддерживая своими средствами в годину страшной войны. А ведь он не переносил и считал бесчеловечным большевистский режим – Родина была для него важнее. Мы столько слышали про оправданную невыносимость характера гениев, что им все прощается – и человеческие слабости, и ничтожность – только бы творили. Но был высокий музыкальный гений, который был Человеком с большой буквы. И об этом не нужно вычитывать в его биографиях – слушайте его бессмертную музыку. А на Пасху потрясающую Всенощную!

ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ «БОЛЬШОГО КОЛЬЦА»

В этом апреле ему исполняется 110 лет со дня рождения. Этот человек, которого во всесильном КГБ на полном серьезе считали инопланетянином, родился в обыкновенной «земной» небогатой семье в деревне Вырица Петербургской губернии и в гимназию пошел только, когда переехал в Бердянск. Революция грянула, когда ему не исполнилось и десяти лет. Но у него была душа скитальца и непоседы. Добавив себе пару лет, он дошел с Красной армией до Перекопа. А потом были Ленинград, где он учился на штурмана, две навигации на Дальнем Востоке и биофак питерского университета. Первое открытие он сделал в девятнадцать, а доктором наук стал в тридцать. Всю молодость он провел в экспедициях. Его звали Иван Ефремов, и он был выдающимся ученым и гениальным писателем-фантастом.

В истории его считают оригинальным социальным мыслите-

лем-гуманистом, автором изящной и даже где-то поэтической формулы социалистической идеи. Он не был членом КПСС, и непонятно, как ему удалось «отвертеться», будучи доктором наук и руководителем палеонтологических экспедиций. Его книги считали вредными и даже антисоветскими, но, будучи единожды опубликованными в период Оттепели, они стали известными во многих странах, снискав автору славу во всем мире. Любопытно, что среди его зарубежных поклонников было немало противников и даже ненавистников коммунистической идеи. Уж больно красивым было общество и люди будущего в его «Туманности Андромеды». Книги Ивана Антоновича совершили настоящую революцию в советской научной фантастике 60-х годов прошлого века. Но вслед за великим романом-утопией появилась довольно страшенькая антиутопия «Час быка», где сияющий коммунистический



мир земного будущего столкнулся с жестоким миром планеты Торманс – тупиковой ветви человеческой цивилизации. Он не дожил до глобального слома советского мира, и мы не знаем, кем он себя считал – человеком коммунистического века или жителем страшной действительности в тиранической реальности выдуманной планеты. Хотя этот чистый, красивый, глубокий и бесконечно честный человек был далек от лжи, заявляя, что в будущем «либо будет всепланетное коммунистическое общество, либо не будет никакого, а будет песок и пыль на мертвой планете».



Здание Тбилисского ТЮЗа



Дмитрий Хвтисиашвили

АЗБУКА МЕЛЬПОМЕНИ

■ Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ

Тбилисский театр юного зрителя имени Нодара Думбадзе в апреле отмечает 90-летие. О том, как встречают юбилей, какие строят планы на будущее, чем живут в настоящее время, любезно согласился рассказать художественный руководитель театра, режиссер, доктор театрального искусства Дмитрий Хвтисиашвили. Он с ходу продемонстрировал макет фотоальбома, готового к изданию, отметив, что в юбилейном издании отразилась богатая история Тбилисского театра юного зрителя, начавшаяся с основания двух легендарных ТЮЗов – русского в 1927 году и грузинского в 1928 году, и объединенных двадцать лет назад, в 1998 году, в один коллектив.

– В альбоме представлены фотографии режиссеров, актеров, художников, актеров, эскизы костюмов и декораций, снимки, запечатлевшие сце-

ны из знаменитых постановок. Иллюстративный материал сопровождается краткими историческими очерками и справками, – говорит режиссер, а речь его сопровождают видео-«цитаты», выуженные тут же из компьютера, и щебет неутомимой птички в просторной клетке, к слову сказать, одной из «актрис» театра. Стены кабинета худрука увешаны афишами, дипломами, в углу на стульях поблескивают рапиры – напоминание о спектакле «Три мушкетера», словом, царит атмосфера творческая и лишенная намека на помпезность.

– На юбилей съезжаются гости из восемнадцати стран – художественные руководители, режиссеры, продюсеры театров юного зрителя из Германии, России, Польши, Словении, Белоруссии, Украины, Венгрии, Узбекистана, Индии и др. В течение трех дней с 14 по 18 апреля мы проведем шоукейсы, пока-

жем коллегам десять репертуарных спектаклей. В их числе «Рассказ косуленка» по Важа Пшавела (режиссер Николоз Сабашвили), «Армейский дневник», «Много шума из ничего», «Салемский процесс» (Дмитрий Хвтисиашвили), «Севильский цирюльник» (Бесарион Купреишвили), «Evangelion», (режиссер Гия Маргания) и др.

В дни юбилея в театре будет открыта выставка, на которой гости и зрители смогут ознакомиться с историческими материалами, с рисунками и эскизами выдающихся художников, которые сотрудничали с театром. Ведь спектакли оформляли – Элене Ахвледзиани, Петре Оцхели, Ирина Штенберг, Солико Вирсаладзе, а позднее – К. Игнатов, М. Малазония, «Самуели» и многие-многие другие талантливые мастера.

– Действительно, оба коллектива были нечто большим,



Сцена из спектакля «Гоча». 1929

чем просто театр. ТЮЗ владел умами, воспитывал, был клубом и храмом одновременно.

– Русским ТЮЗом тридцать сезонов руководил Николай Яковлевич Маршак. Трудно было найти в Тбилиси школьника, не заразившегося любовью к театру в те годы. У истоков грузинского театра юного зрителя стоял Александр Такашвили, назначенный на пост руководителя по рекомендации Котэ Марджанишвили. Театры-погодки служили одной цели, но они не были похожими друг на друга, как близнецами. У каждого был свой творческий стиль. Оба театра испытывали взлеты, оба принадлежали к элите грузинского театрального искусства. Николай Маршак привлек к работе ярких творцов. Его единомышленниками были режиссер Матвей Вахнянский, художник Ирина Штенберг, легендарный театральный организатор К. Шах-Азизов, а также плеяда выдающихся актеров. Именно в русском ТЮЗе состоялся как режиссер великий Георгий Товстоногов. Кружок любителей театра объединял юных театралов. Несколько лет назад нашими гостями стали бывшие кружковцы Лев Кулиджанов и Марлен Хуциев, они с таким восторгом вспоминали постановки шиллеровских «Разбойников», «Коварство и любовь», «Снежную

королеву» Шварца, «Приключения Тома Сойера», «Принца и нищего», «Золотой ключик» и другие спектакли ТЮЗа. Марлен Хуциев сказал, что его выбор профессии определили ТЮЗ и легендарный фильм «Чапаев». Гости вспоминали кумиров своей юности, игравших в ТЮЗе, – солидного Павла Нерясова, Ольгу Беленко, Тамару Папаташвили, Марию Бубутеишвили, Чару Кирову, молодого Евгения Лебедева и других артистов.

О детских театрах Тбилиси трудно рассказывать кратко. Добавлю только, что с русским ТЮЗом сотрудничал Одиссей Димитриади, что в театре работал Булат Окуджава. Ставили спектакли режиссеры – М. Гижимкрели, В. Вольгуст, Т. Абашидзе, К. Сурмава, а руководили театром в разное время И. Гвинчидзе, В. Мерабов, И. Гоциридзе, в пору директорства которой и было построено новое здание ТЮЗа.

Александр Такашвили открыл грузинский театр юного зрителя спектаклем «Фриц Бауэр» (Н. Сац), премьера состоялась 11 ноября 1928 года. За ним последовали спектакли: «Робин Гуд» (С. Заяцкий), «Гайавата» (Н. Огнев) и другие. В репертуаре грузинского ТЮЗа постоянно присутствовали инсценировки произведений грузинских классиков – «Боте и Куспара» (Ш. Дадиани), «Сурамская кре-



«Великий еретик». 1937

пость» (Д. Чонкадзе), «Арсен из Марабды» (М. Джавахишвили), «Нацаркекия» (Г. Нахуцришвили), «Патара Кахи» (А. Церетели), а также мировой классики – «Ромео и Джульетта», «Укрощение строптивой» (У. Шекспира), «Доходное место» (А. Островского), «Вильгельм Тель» (Ф. Шиллера). «Золотой век» театра соотносят с творчеством режиссера Шалвы Гацерелия. Мумуша, так тепло называли учителя и друга сотни людей, воспитал несколько поколений талантливых актеров и в 70-90-ые годы прошлого века поставил этапные спектакли: «Дневник Анны Франк» (К. Гудрич и А. Хакет), «Отверженный» (Важа Пшавела), «Кукарача» (Н. Думбадзе) и др.

Оба театра всегда ставили солидные пьесы, имеющие социальное звучание драмы, но в то же время дарили радость маленьким зрителям, знакомя их с героями сказок, с персонажами любимых книг – Карлсоном и Пеппи Длинный Чулок. Не будем забывать и о Театре кукол, который действовал при русском ТЮЗе. Кукольные представления с богатыми традициями,



Г. Товстоногов (справа) в спектакле «Путь далекий»



Е. Лебедев в роли Бабы-Яги

идущими от театра Образцова, востребованы и сегодня.

– Какой принцип лежит в основе репертуарной политики вашего театра?

– Мы работаем, чтобы воспитать зрителя для взрослого театра. К нам приходят дети зачастую без всякой подготовки: наши спектакли становятся для них первым соприкосновением с миром театра. Многие дети из-за финансовых проблем родителей ни разу не были не только в оперном театре, но и в цирке.

Это и есть та реальность времени, от которой мы отталкиваемся, чтобы заполнить про-

белы театрального воспитания. Обратите внимание: насколько у нас эклектичный по жанрам репертуар. Мы стараемся познакомить не только с драмой и комедией, но и дать базовые представления об опере и балете. Потому что телевизионные передачи никак не могут заменить живого театра, сцены. Для ребят младших классов предлагаем спектакли коротким вступительным словом. Для старшеклассников стараемся нащупать темы, которые вызовут эмоции и сопереживание. «Я вижу солнце» по Нодару Думбадзе четвертый год идет с аншлагом. Во время спектакля

«Не забывай меня» по произведениям Резо Мишвеладзе (писатель по нашей просьбе написал пьесу, основываясь на четырех своих новеллах) зрители бурно переживают и даже плачут. Тема абхазской войны, потерянной любви, инвалидности никого не оставила равнодушными. Театральную культуру надо прививать с раннего детства. Многие удивляются, когда узнают, что «Севильский цирюльник» это кукольный спектакль и предназначен для малышей. Детям спектакль нравится. Их увлекают куклы в напудренных париках и расшитых камзолах. Прежде чем услышать отрывок арии в исполнении Марии Каллас, им в увлекательной форме рассказывают, что такое опера, почему все герои поют, а не говорят. Дети узнают, что человек, который стоит спиной к залу, не просто машет палочкой, а руководит оркестром, что он и есть – дирижер. Для старшеклассников поставлен спектакль на библейские темы «Evangelion», в котором артисты танцуют балет. Ведущий читает отрывки из Евангелия. Драматические артисты танцем и пластическими средствами доносят до зрителя такие сюжеты, как возвращение блудного сына, Саломея и Иоанн Креститель, рассказ о Марии Магдалины. Благодаря профессиональной отдаче артистов, риск столь необычной постановки оправдал себя. Гия Маргания получил театральную премию за оригинальную постановку. После премьеры Нино Ананиашвили высоко оценила мастерство наших актеров.

– Наверно, еще один плюс постановки «Evangelion», что язык танца не требует перевода. Какие проблемы возникают в билингвальной труппе и можно ли в полной мере называть двуязычным нынешний ТЮЗ?

– Постановки для юношества ставятся только на грузинском. Большинство старшеклассни-



ков русскоязычных школ свободно владеют грузинским языком, к тому же они посещают Грибоедовский театр. Для маленьких зрителей мы ставим спектакли на двух языках: один состав играет на грузинском, второй на русском такие постановки, как «Волшебник Изумрудного города», «Севильский цирюльник», «Мышки и сыр» и пр. На гастролях в Закавказье больше востребован русский язык, за рубежом, скажем, в Греции, в балканских странах мы играли на грузинском языке. Занятный случай произошел на недавних гастролях в Москве – нас попросили перевести и сыграть по-русски моноспектакль «Ночь и попугай». Актер Ника Паикридзе – он в этом году удостоен звания лучшего молодого актера года – назубок выучил текст и успешно провел спектакль, однако к удивлению журналистов не смог ответить на вопросы, которые ему задавали по-русски. Однако многие актеры хорошо владеют русским и играют на двух языках.

– Театр много гастролирует. Какие из последних гастролей стали для театра знаковыми?

– Конечно, было очень почетно представлять театральное искусство Грузии в Японии, и дать там вместо запланированных четырех представлений шесть. Это говорит о том, что японцы очень тепло встретили постановку «Блоха и Муравей», которую мы привезли на Международный фестиваль ис-



Эскизы к спектаклям П. Охцели, Е. Ахвледиани и И. Штенберг

полнительского искусства для детей и молодежи в Азии.

Серьезной вехой для нас стало участие в Международном театральном фестивале «Радуга» в Санкт-Петербурге, где тепло был принят спектакль «Нас ждет слава», поставленный Мананой Берикашвили. Представитель фестиваля приезжает на наш юбилей и надеюсь, что нам удастся расширить наши творческие контакты. Всегда ответственно открывать искусство Грузии в любой стране, где проходят гастроли. Однако самыми важными, на наш взгляд, являются поездки труппы по регионам Грузии. Поскольку большинство спектаклей поставлены при минимальном использовании реквизита, мы свободно работаем на любых подмостках, выступаем в высокогорных селах. Разве можно вспоминать без волнения, как зрители в Местиа досмотрели представление до конца под проливным дождем – площадка была под открытым небом, актеры доиграли в потоках воды.

– В театре много молодежи. Как определяете, «ваш или не ваш» человек пришел



на кастинг?

– Условие приема – верность профессии, увлеченность. Умение петь, танцевать, работать в команде. Труппа у нас огромная 93 актера, могу с гордостью сказать, что заняты все. Я сам начинал актером и понимаю, как важно вовремя получить роль, не простаивать, постоянно быть в форме. Поэтому самой важной заслугой считаю тринадцать премий, которыми удостоили артистов, участвовавших в моих спектаклях. Вообще наград было много за последние годы. Спектакль «1945» режиссера Ники Сабашвили удостоен независимой театральной премии «Дуруджи». Стараемся сохранять традиции театра. Недавно были открыты пять мемориальных звезд: Лейлы Дзиграшвили, Резо Таварткиладзе, Ладо Меквабшвили, Берты Хапава, Отара Багатурия.

– В апреле в вашем театре отмечают не только большой юбилей, но также и ваше 50-летие. Итоги, конечно, подводить рано, пожалуйста, о своем творческом пути?

– Окончил актерский факультет Тбилисского театраль-



«Евангелион»



«Золотая рыбка»



«Салемский процесс»

ного института – курс Лили Иоселиани, затем освоил профессию режиссера на курсе Гиги Лордкипанидзе. Защитил диссертацию, являюсь доктором театрального искусства, с 1989 года профессор родного вуза – теперь уже Университета театра и кино им. Руставели. Несколько лет служил актером в Театре имени Котэ Марджанишвили, потом стал там же режиссером-постановщиком. Восемнадцать лет был главным продюсером студии звукозаписи телекомпании «Рустави 2». В театре «Верико» поставил для Котэ Махарадзе «Айсберг по кличке – Сталин», а также спектакль «Ночь и попугай».

Четыре года работал в Зугдидском театре.

Написал несколько книг. Первую посвятил своему педагогу Лили Иоселиани. Трилогия – три творческих портрета, написанных по законам драматургии, с интервью и монологами моих героев, посвящены Кахи Кавсадзе (в соавторстве с моей супругой Хатуной Киквадзе), Гиви Берикашвили и Тенгизу Арчвадзе – моим старшим товарищам, коллегам и людям, которыми восхищаюсь.

– Вы шестой год возглавляете ТЮЗ им. Думбадзе. С чего начали? Чего достигли?

– За эти годы поставил в Театре юного зрителя восемнадцать спектаклей. Мой приход в театр в декабре 2012 года совпал с днем рождения Шалвы Гацерелия. Я решил восстановить его знаменитый спектакль «Кукарача», премьера которого состоялась в ТЮЗе в 1986 году. Большую помощь оказал Отар Багатурия, который знал спектакль, как никто другой. К годовщине смерти Шалвы Гацерелия в апреле 2013 года спектакль «Кукарача» был восстановлен и прочно вошел в наш репертуар. Последняя моя постановка «Блоха и Муравей». Сам придумал, написал и поставил сказку о дружбе, преданности. Хореография Гии Марганя, композитор – Зураб Гаглошвили.

В ходе спектакля герои трансформируются из кукол в людей, все действие наполнено фантазией, иронией, музыкой и танцами. Это фольклорный спектакль с танцами картули, гандаган, симд, кинтаури. Герои озорничают, соперничают, острословят и не унывают, а в итоге Блоха жертвует собой ради спасения друга.

– Глядя на исполнителей, не скучаете по сцене?

– Иногда приходится выходить на сцену, но это происходит при форс-мажоре. Например, в спектакле «Записки путника», поставленном со-

вместно с Темуром Чхеидзе в Марджановском театре, мне пришлось заменить Гиви Берикашвили. Билеты на представление в Ахалцихе были распроданы, и Тенгиз Арчвадзе сказал, что мне придется выйти на сцену – нельзя срывать спектакль!

– У вас в семье подрастают трое сыновей, можно ждать появления актерской династии?

– Мальчики пока школьники, но уже в достаточной мере изучили театр изнутри. Все трое принимали участие в постановках. Понимают, что это каторжный труд, а какой путь выберут, пока не ясно.

– Что в планах театра на ближайшее время?

– Нас ожидает совместная постановка с Лейпцигским детским театром – мы выиграли грант на это партнерство. В планах ТЮЗа несколько интересных замыслов. Режиссер Котэ Мирианшвили задумал поставить интерактивный спектакль по произведениям Киплинга. В спектакле будут участвовать четыре актера и тридцать детей от трех до пяти лет. Вот эта компания будет разыгрывать импровизированный спектакль в экспериментальном зале театра, куда родители допускаться не будут. К 170-летию Александра Казбеги я считаю необходимым поставить спектакль, посвященный его творчеству. Отар Багатурия задумал постановку «Свадьбы соек» по Важа Пшавела. Впереди нас ждет напряженный гастрольный график. В Кутаиси везем «Много шума из ничего», в Телави – «Приключения Эмиля» Астрид Линдгрэн. В Чохатаури на юбилей в честь 90-летия Нодара Думбадзе покажем спектакль «Я, бабушка, дедушка и ведьмы». Так что «покой нам только снится». А во время юбилеев становится и вовсе не до сна!



Инга Садкова

«ОБАЯНИЕ НА ДЕСЯТЬ ЧЕЛОВЕК»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Жизнерадостная, наделенная чувством юмора и самоиронией, обладающая непередаваемым женским шармом и обаянием (известный режиссер театра Абрам Рубин однажды так охарактеризовал эту актрису: «Обаяние на десять человек!») – такой окружающие знают и любят Ингу Садкову. Эти свойства ее личности ярко раскрылись на театральных подмостках Тбилисского русского театра юного зрителя – и не только...

Заслуженная артистка Грузии, лауреат театральных фестивалей Инга Садкова – травести. То есть актриса, играющая детей и подростков. Это особое, в нынешние времена редкое, можно сказать, уникальное театральное амплуа, которое всегда очень ценилось.

Путь Инги на сцену был отнюдь не длинным и не тернистым. Потому что уже в раннем детстве стало понятно: она прирожденная артистка! В пятилетнем возрасте Инга сыграла лисичку-сестричку в какой-то сказке и привлекла своей искренностью и тем самым обаянием огромное внимание. Все было единодушно: «Она обязательно будет актрисой!» Пророчество сбылось очень скоро... Да и как могло быть иначе? Сцена будто ждала миниатюрную очаровательную девчущку с большими серозелеными глазами.

Сначала Инга Садкова попала в труппу драматического кружка-студии Дома офицеров, где с юными актерами работал талантливый человек

Рэм Давыдович Шаптошвили – их учили сценическому движению, сценической речи, мелодекламации. Под его руководством Инга переиграла множество ролей – в спектаклях «Белеет парус одинокий», «Аленький цветочек» и т.д. и т.п. Интересно проявляла она себя и в качестве ведущей концертов. По всей видимости, опытный мастер Рэм Шаптошвили однажды почувствовал: молодому дарованию необходимо выходить на новую орбиту. И отвел пятнадцатилетнюю Ингу в ТЮЗ, на сцене которого она сыграла свыше 150 ролей!

– Тбилисский русский ТЮЗ – уникальное явление грузинской культуры. Это третий детский театр в мире! – говорит режиссер **Теймураз Абашидзе**, возглавлявший Театр юного зрителя с 1968 по 1973-й и с 1981 по 1983 гг. – Первые два – Центральный детский театр в Москве, основанный Наталией Сац, и ленинградский ТЮЗ, открытый Александром Брянцевым, – театр сейчас носит имя этого замечательного театрального деятеля. Третий, тбилисский, в 1927 году открыл выдающийся режиссер детского театра Николай Яковлевич Маршак, создавший его труппу, репертуар, актив драматургов, художников, композиторов. Русский ТЮЗ был настолько знаменит, что специально для него Закавказская железная дорога (это был целый комплекс – театр, детская железная дорога и т.д.) построила здание. Сегодня его занимает Тбилисский культурный центр.

Николай Яковлевич Маршак принял Ингу в труппу в процессе обновления творческих сил театра. Вспоминает **Инга Садкова**:

– Рэм Давыдович Шаптошвили, очень меня любивший, отвел меня в ТЮЗ – я должна была сыграть роль, на которую в самом театре подходящей актрисы не нашлось, и меня ввели в спектакль буквально за одну репетицию. Это была «Машенька» А. Афиногенова – в спектакле были заняты ведущие актеры ТЮЗа Ножери Чонишвили, Ольга Беленко, Александр Энгельгардт. А я тогда еще училась в школе. Главную героиню Машеньку блистательно сыграла Светлана Евангелиди, а я выступила в симпатичной роли ее подружки, Гали-хохотушки и имела оглушительный успех. И не удивительно – на сцену выходила хорошенькая пухленькая девочка и заразительно хохотала. Роль была построена таким образом, что на любое сказанное слово я отвечала смехом, иногда хохоча даже сползала с кресла на пол. На спектакль «Машенька» пришли дети из моей школы... и был настоящий триумф! Смеялась я легко – так же, как и обливалась слезами в спектакле «Сын полка» В. Катаева, когда по сюжету погибал капитан Енакиев – его играл Ножери Чонишвили.

Николай Маршак был очень доволен юной актрисой и сказал, что «Инга Садкова – это будущее нашего театра». Напомним, что в то время в ТЮЗе работали такие мастера, как Чара Кирова, Мария Бубутеишвили...

– Я играла очень много, по 24 часа пропадала в театре! Сразу же после дебюта мне поручили роль пацана-беспризорника Жигана в спектакле «РВС» А. Гайдара, – вспоминает Инга. – Я играла на деревянных ложках и пела: «Позабыт, позаброшен, с молодых ранних лет. Ах, какой я хороший, молодой человек!»... Сюжет был революционный:

белые, красные, зеленые... Помню еще один спектакль на ту же тему – «Именем революции» М. Шатрова в постановке В. Вольгуста... В центре пьесы – оставшиеся без родителей, голодающие братья-подростки Петя и Вася, которых играли мы со Светой Евангелиди. Идет сцена: появляются Ленин и Дзержинский. «Здравствуйте, молодые люди! Как поживаете? Давайте побеседуем!» – предлагает вождь мирового пролетариата Пете и Васе. «Чего побеседуем? – встревожился мой Петька. – А сам хватъ котелок (с едой) и бежать?!». На этой реплике зал всегда взрывался долгими овациями и смехом. Успокоить зрителей было невозможно! Большевики нам предлагали бутерброды, мы их жадно ели, что-то стараясь припрятать на потом. На нас смотрели с жалостью и распоряжались, чтобы беспризорным детям уделили внимание..., но мы убегали в зал. И пока бежали по залу, юные зрители старались нас подкормить – совали бублики, конфеты. А буфетчица тетя Клава на генеральной репетиции просто рыдала: «Полно пирожков, пончиков! А Ингочка и Светочка голодные!» Хотя на самом деле мы были, естественно, сытыми!

Потом выпустили «Приключения Гекльберри Фина» М. Твена. И в первой постановке мне поручили роль Сиды. Но сыграла я его только два раза: Маршак перевел меня на Тома Сойера. Сказал, что мне нельзя поручать роли орицательные. Потому что все зрители были на стороне «послушного» Сиды, всегда готового наябедничать на брата, а Тому в исполнении Марии Бутеишвили свистели – а этого

никак нельзя было допустить... В «Снежной королеве» мне поручили сразу две роли – Герды и Маленькой разбойницы. Николай Яковлевич говорил мне: «Развивайся!» Сначала готовилась к роли Герды. Хотя это и совершенно не мое! И вот на генеральной репетиции, прямо перед выходом на сцену, ко мне подходит актриса, исполнявшая эту роль до меня, и срывает с меня парик со словами: «Это мой парик! Не смей надевать!» Естественно, я в слезы...

В итоге Инга блистательно сыграла Маленькую разбойницу, на каждом спектакле срывая овации зрительного зала... А в спектакле «Волшебник изумрудного города» перевоплотилась в Элли, но эту работу не любила – была очень недовольна собой, потому что сразу после рождения сына не успела прийти в хорошую физическую форму.

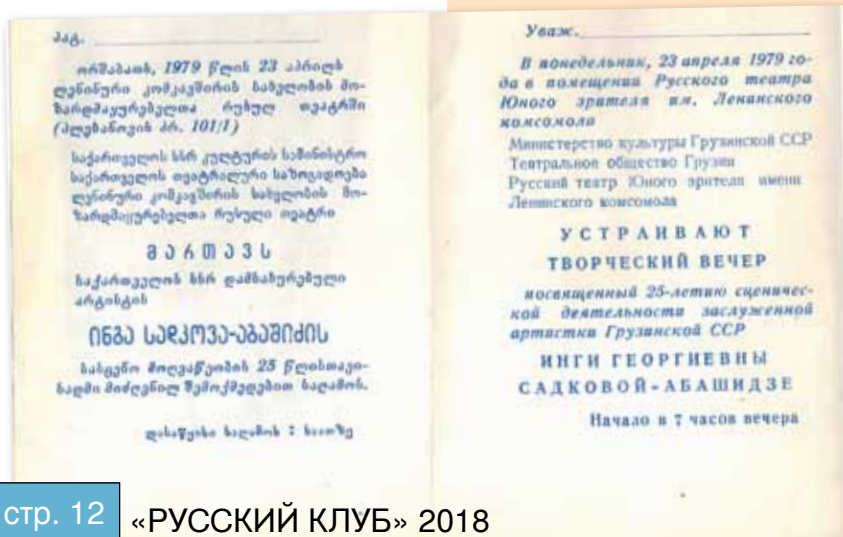
Когда в ТЮЗ пришли главный режиссер Теймураз Георгиевич Абашидзе и директор Иван Сергеевич Гвинчидзе, начался новый невероятный расцвет театра.

– Гвинчидзе как раз и привел в ТЮЗ меня, Рэма Шаптошвили, собрал художников – таких, как Кока Игнатов, – рассказывает **Т. Абашидзе**. – Маршак к этому времени ушел – в театре начались интриги, и он уехал в Москву, глубоко оскорбленный – там и умер в 1962 году. Труппа, конечно, была на его стороне... А когда в 1968 году в ТЮЗ пришел я, то вместе с Кокой Игнатовым поставил спектакль «Романтики» Ростана, в котором Инга сыграла Сильветту.

– Теймураз впервые меня увидел в спектакле Гурама Жвания «Похищение луковиц, или

Сокровища Бразилии» К. Машаду, – продолжает Инга. – С моим потрясающим партнером Евгением Басилашвили мы играли главные роли и исполняли зажигательные латиноамериканские танцы с маракасами. После чего Теймураз и пригласил меня на роль Сильветты в спектакль «Романтики». А потом мы поженились – роль Сильветты оказалась судьбоносной и связала меня с этим человеком на всю жизнь. А материал был великолепный! Комедийная стихотворная пьеса на сюжет «Ромео и Джульетты». В спектакле моими партнерами были прекрасные актеры Джемал Вадакария, Рэм Папиев, Юрий Айвазов. Затем Теймураз поставил замечательный спектакль «Слуга двух господ» Гольдони – я играла Марианну. Большой зрительской любовью пользовался знаменитейший мюзикл в постановке Темура Абашидзе «Робин Гуд», в котором я играла в разное время две роли – маленького Джона и Клоринды. Талантливо оформили спектакль «Самеули» – группа известных театральных художников: Олег Кочакидзе, Александр Словинский и Юрий Чикваидзе. Они были награждены в Праге на биеннале – всемирной художественной выставке – за свой эскиз к спектаклю «Робин Гуд». Я играла в популярных мюзиклах «Мой брат играет на кларнете» А. Алексина в постановке В. Вольгуста, «Карусель» С. Маршака в постановке Т. Абашидзе – в этом спектакле я исполнила сразу несколько ролей: старичка, отца-лентяя, торговку на базарной площади, писателя-недоумка и Петрушку...

– Я всегда считал, что детский театр должен быть музыкальным, особенно для школьников младших классов, – говорит Т. Абашидзе. – Детей этого возраста нужно учить любить театр. А любить театр маленькие зрители начинают в том случае, когда он доставляет им удовольствие. Когда много песен, танцев, веселых ситуаций. Так что основной репертуар ТЮЗа должен быть музыкальный. Поэтому спектакли, которые мы ставили в те годы, строились преимущественно на музыкальном материале. Были задействованы композиторы экстракласса – на-



пример, Саша Раквиашвили – великолепнейший пианист и замечательный автор. Он написал для нас несколько музыкальных спектаклей – в том числе «Робин Гуда». Заглавного героя замечательно играл Игорь Копченко. Был у нас в репертуаре музыкальный спектакль «Вовка на планете Ялмез» В. Коростылева в постановке В. Вольгуста, в котором Вовку играла Инга. А музыку написал Георгий Цабадзе.

Спектакль «Вовка на планете Ялмез» с большим успехом показали в Москве. После чего Инга Садкова была приглашена на постоянную работу в Московский ТЮЗ. Позднее ее звал в Ленинград, в свой ТЮЗ, известный режиссер Зиновий Корогодский. Но Инга предпочла остаться на родине, с семьей.

– Для меня никакого плюса не было в том обстоятельстве, что муж являлся главным режиссером, – рассказывает актриса. – Текст я запоминаю с первого прочтения. У меня не было никаких поблажек и послаблений – скорее наоборот. Никогда не вела себя как прима. Темур бы мне этого не позволил. К тому же я его настолько уважаю, что сама бы себе этого никогда не позволила...

У меня много приятных, ярких воспоминаний! Помню спектакль «Пламя Пуэрто-Соридо» Е. Мина и А. Минчковского, в котором была отражена тема кубинской революции. А я играла маленького негретенка Джорджи. Спектакль с большим успехом показали в Москве, в Кремлевском театре Министерства культуры СССР. Было приглашено посольство Кубы, и после спектакля его представители поднялись на сцену. Мы сфотографировались в обнимку с кубинским послом и выглядели как два родных брата, что привело дипломатов в неопишуемый восторг. Еще одно воспоминание. К нам приехал Евгений Лебедев – бывший тюзовец, он отмечал в Тбилиси свой юбилей. Мы с ним сыграли маленькую сценку: я – Кот-в-сапогах, Лебедев – Жан. После выступления Евгений Лебедев сказал мне с восхищением: «Ну, мать, ты дала!..» Это было самое прекрасное, счастливое, хоть и трудное время моей жизни. Меня так любили



После спектакля «Пламя Пуэрто-Соридо»

зрители!

Увы, все в прошлом. Мне пришлось уйти из театра очень рано – в возрасте 46 лет. Не нашла общего языка с новыми руководителями... Очень тяжело переживала полное игнорирование, а затем уход из родного театра. Хотя могла бы проявить себя в новом амплуа – мне довелось с успехом выступать в характерных ролях, например, в «Бане» Маяковского. Но не случилось – я все-таки ушла из ТЮЗа, которому на протяжении многих лет самоотверженно служила... Помню, как выходила на сцену, невзирая на плохое самочувствие. Иногда с высокой температурой, с флюсом, с какими-то другими серьезными проблемами. И сцена – лечила! Часто с теплом вспоминаю своих коллег – Наталью Нелюбову, Светлану Евангелиди, Галину Пряжникову, многих других. Нежные отношения связывали меня с потрясающей актрисой Грибоедовского театра Натальей Михайловной Бурмистровой. Она говорила мне: «Ты слишком миниатюрная, а то я бы способствовала твоему переходу в театр Грибоедова, и ты бы очень даже проявилась у нас!» Но мне это было не надо – я долгие годы чувствовала себя хорошо в моем театре, это была моя семья!

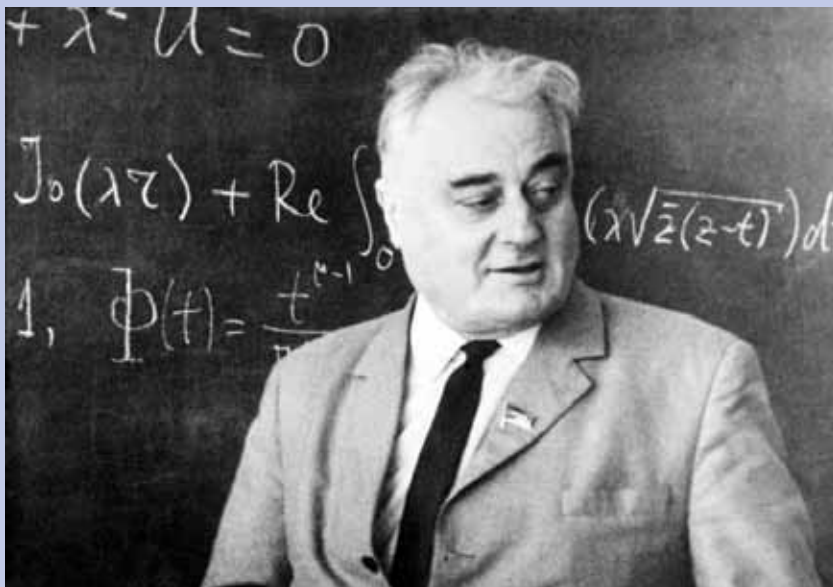
После ухода из театра, пережив огромный стресс, Инга не сдалась обстоятельствам. И нашла себя в другой, по-своему очень интересной области – к счастью, у Садковой проявились способности к языкам, и она стала преподавать иностранный, получив второе образование

специалиста английского языка.

Инга полноценно реализует себя и в семейной жизни – в нежной и трогательной заботе о любимых муже и сыне Гоге. И при этом остается привлекательной, тщательно ухоженной, влюбленной в жизнь и никогда не унывающей Женщиной. Актрисой.

– Ингу я знала довольно близко в тот достаточно ранний и прекрасный период русского тбилисского ТЮЗа, – вспоминает театровед Лана Гарон. – Очаровательная, пухленькая, как бывают маленькие дети, с перетяжками на ручках и ножках. Совершенно уникальное обаяние. Огромные глаза – чистые и наивные. Абсолютная органичность! Помню Ингу в спектаклях «Сомбреро», «Машенька», «О чем рассказали волшебники», в сказках... Она с полным правом соперничала с блистательной актрисой-травести Чарой Абрамовной Кировой. Но Инга побеждала молодостью. Яркая, очень доброжелательная, жизнерадостная. С чувством юмора. Инга Садкова для меня – одно из самых светлых воспоминаний юности.

– Для меня Инга Садкова – блестящее травести, эталон актрисы детского театра! – говорит актер Давид Енукашвили. – К сожалению, мне не довелось стоять с ней рядом на сцене, быть ее партнером. С восторгом вспоминаю ее работы. К тому же Инга – удивительно теплый человек, с чувством юмора... Долгих ей лет жизни!



Илья Векуа читает лекцию в Новосибирском университете

«ОН БЫЛ ОЧЕНЬ МУДРЫМ РЕКТОРОМ»

■ ЛАДО ТАВАДЗЕ

Знаменательная дата связала в апреле Грузию и один из главных научных центров России, созданный как важнейшая часть легендарного Академгородка – Сибирского отделения Академии наук СССР. Шестьдесят лет назад был основан Новосибирский государственный университет (НГУ), первым ректором стал выдающийся грузинский ученый Илья Векуа, более десяти лет проработавший в России.

Создавать новый учебно-научный центр лауреат Сталинской премии, заслуженный деятель науки Грузинской ССР Илья Векуа, только что избранный академиком АН СССР, приезжает в Новосибирск из Москвы. Там на посту заместителя директора академического Математического института он сменил знаменитого Мстислава Келдыша и входил в первый состав Национального комитета СССР по теоретической и прикладной механике. До этих должностей возглавлял в столице Советского Союза отдел Центрального аэрогидродинамического института име-

ни. Н.Е. Жуковского, кафедру теоретической механики Московского физико-технического института, был профессором на механико-математическом факультете МГУ. А еще внес вклад в развенчание лженауки. Немногие сейчас помнят, что Илья Нестерович подписал «Письмо трехсот». Это обращение в Президиум ЦК КПСС большой группы ученых было направлено против псевдонаучной теории академика Трофима Лысенко, с легкой руки которого генетика была объявлена

в СССР «продажной девкой империализма». Письмо, подписанное в том числе и Векуа, стало причиной конца «лысенковщины».

Впервые он оказался в России в 1930 году – по предложению выдающегося грузинского ученого Николая Мусхелишвили двадцатитрехлетнего выпускника Тбилисского государственного университета направили в Ленинград, в аспирантуру Академии наук СССР. Там он защитил кандидатскую диссертацию. Возвратившись через четыре года, был на ведущих должностях в Геофизическом и Математическом институтах Грузинского филиала АН СССР, в родном университете и в Закавказском институте инженеров путей сообщения, стал доктором физико-математических наук, профессором.

Потом Илья Нестерович начал московский период своей жизни, уйдя на повышение с должности академика-секретаря Академии наук Грузинской ССР. И через восемь лет «в составе группы ученых, имеющих своей основной целью участие в создании Сибирского отделения АН СССР» приехал в Новосибирск. Многие участники первого Общего собрания приехали в Сибирь впервые и знали ее, по словам Векуа, «лишь по географическим картам и литературным источникам». Вот каким запомнился грузинскому ученому будущий Академго-

Строительство Академического городка





Илья Векуа со студентами у нового корпуса НГУ

родок: «Сперва мы прошли по участкам, где должны протянуться жилые кварталы, а затем все собрались на открытой площадке около сооружавшегося тогда здания Института гидродинамики... С возвышения, где мы стояли, можно было обозревать места расположения будущих институтов, а рядом был выставлен план-макет городка. Поблизости виднелись непрерывно передвигающиеся огромные строительные краны, при помощи которых рабочие возводили стены института и пяти жилых зданий. До нас доходил со всех сторон гул тракторов, корчевавших лес, бульдозеров и экскаваторов, рывших глубокие ямы для будущих сооружений».

В Сибирском отделении академии наук СССР Векуа основывает теоретический отдел только что созданного Института гидродинамики и заведует им. «С самого начала основатели Сибирского отделения были озабочены вопросом обеспечения будущего центра научными кадрами, – вспоминал он. – В первый период достаточно было привлекать новых сотрудников из Москвы, Ленинграда и других городов страны, но, чтобы иметь постоянный источник для пополнения сибирских учреждений научными силами, надо было организовать подготовку кадров на месте. Так зародилась идея университета в Ново-



Первый ректор НГУ с первыми выпускниками университета. 1963

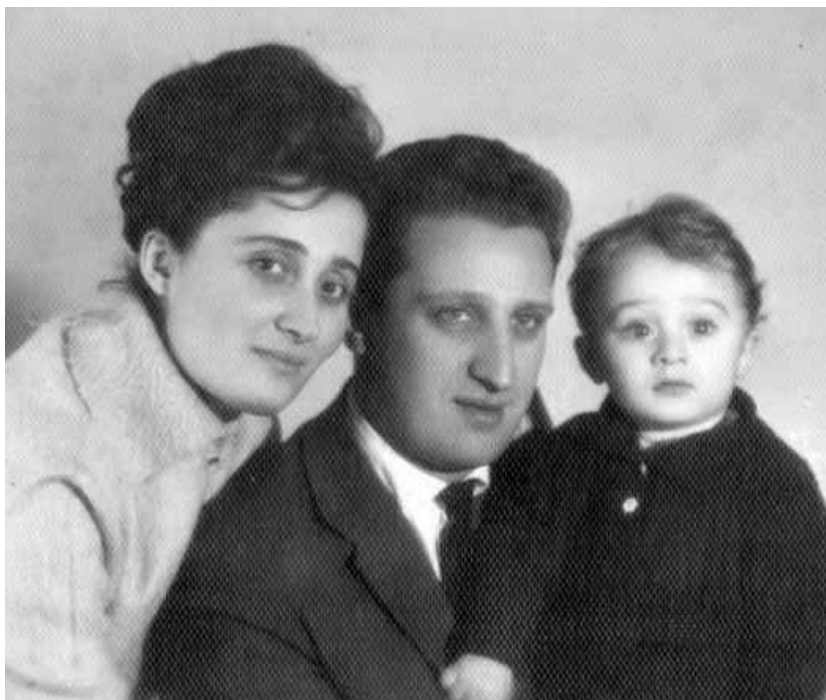
сибирске». Когда, по решению Совета Министров СССР, этот университет был создан, Векуа не только стал его первым ректором, но и возглавил в нем кафедру математической физики.

О научных работах этого человека в Грузии написано немало страниц. А это – воспоминания преподавателя НГУ Ольги Марчук о его умении работать с людьми: «Илья Несторович предложил мне стать ответственным секретарем Приемной комиссии университета. Во время этой работы я лучше узнала Илью Несторовича с профессиональной стороны, с организаторской. Он был очень мудрым ректором: требовал хорошей работы, но не вмешивался в мелочи. Разговаривал со всеми тихим, хрипловатым голосом, взвешивая каждое свое

слово. В то время был ажиотаж вокруг приемных экзаменов в институты... В нашем университете на некоторых факультетах было по 10-12 абитуриентов на одно место. Естественно, что сотни молодых людей и их родителей приходили разговаривать, чтобы доказать свои права на первоочередность поступления в университет. И вот Векуа очень умело подбирал критерии на эти оставшиеся места. Все фиксировалось в протоколе, и поэтому не было ни одной жалобы на неправильное

зачисление в университет».

Таким запомнили академика Векуа и в Тбилиси, куда он вернулся после пяти лет работы в Новосибирске. Был ректором Тбилисского государственного университета, а затем, вплоть до ухода из жизни в 1977-м – президентом Академии наук Грузинской ССР. В Новосибирском университете-юбиларе, на здании которого установлена мемориальная доска Векуа, в прошлом году столетию со дня рождения грузинского ученого посвятили международную научную конференцию. И уже одиннадцать лет ежегодно в Грузии и в России параллельно проводится Международная олимпиада по программированию на Кубок Векуа с командными и личными турнирами.



С супругой Мзией и сыном

Владимир Долидзе: титан науки Грузии

■ **Юлия ТУЖИЛКИНА**

Лауреат Государственной премии СССР, доктор технических наук, профессор, академик, действительный член Международной Инженерной Академии, член президиума Инженерной академии Грузии, вице-президент Академии экологических наук Грузии, выдающийся ученый в области аналитического приборостроения, ионоселективных материалов, физической и аналитической химии Владимир Александрович Долидзе скончался 16 мая 2016 г. Его жизненный путь был ярким и успешным, он добился этого благодаря титаническому труду и преданному служению науке.

Он родился 25 апреля 1932 г. в Тбилиси. Отец – в войну командовал пограничными войсками, мама – из семьи священника. Владимир после окончания школы поступил в Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева (Российский химический университет). Его преподаватели – ученые с мировыми именами.

В институте он учился хо-

рошо, уже тогда обнаружив основные черты характера: настойчивость в обретении знаний, педантичность и упорство в труде, энергичность в общении и горячность в отстаивании точки зрения. Многие сокурсники запомнили его веселым, азартным, спортивным и... с гитарой в руках. Острый ум, обаяние, любознательность и невероятное стремление к вершинам знаний. Таким был в юности будущий выдающийся ученый.

Человек действия

Для него не существовало слова «невозможно». Он упрямо и уверенно двигался вперед и добивался отличных результатов. Владимир Долидзе прошел путь от рядового инженера НПО «Аналитприбор» до заместителя генерального директора. Тридцать семь лет он посвятил деятельности на этом объединении.

Еще молодым специалистом он возглавил ряд основополагающих тематик. Для развития в СССР отрасли аналитического приборостроения требовалось

разработать и освоить серийно электроды, приборы, комплексы и системы. За десять лет (1959-1969 гг.) эта задача была выполнена. Разработано и широко распространено в Союзе крупносерийное производство рН-метрии и ионометрии. Это привело к огромному экономическому эффекту в масштабах всей страны.

В 1973 г. за цикл работ по теории стеклянного электрода и электродным свойствам материалов В.А. Долидзе удостоен Государственной премии СССР в области науки и техники.

Со временем тематика разрасталась, появлялись новые направления и новые задачи. В 70-е годы работы выполнял уже не малочисленный коллектив в 150 человек, а мощное научно-производственное объединение с шестью тысячами сотрудников. Это несколько НИИ, КБ, опытных заводов, которые имели выход для производства своей продукции более чем на тридцать заводов Советского Союза. Государственный заказ составлял до 90% всех работ.

На этом этапе научный и практический интерес Владимира Долидзе связан со станов-

Владимир Долидзе





На празднике. Куба

лением и развитием рН-метрии и ионометрии в Союзе. Особый его интерес – экстремальные условия, т.е условия, граничащие с предельными возможностями методов измерения и конкретных технических средств. Именно с этой областью связана его докторская диссертация, которую Владимир защитил в ГНОХИ им. Вернадского в 1984 г. А его теоретические работы по образованию потенциала в твердых телах и многочисленные изобретения способствовали развитию ионометрии на современном уровне, включая возможность создания широкой номенклатуры измеряемых ионов, сенсоров на основе полупроводников и датчиков для бесконтактного измерения.

В интересах различных отраслей промышленности, медицины, биологии, экологии совместно с другими руководителями работ Владимир Долидзе также развивал традиционные направления организации: спектрометрию, атомную абсорбциометрию, турбидиметрию, кондуктометрию, гигрометрию, титрометрию и др.

География его контактов была обширна, охватывала всю территорию Союза – долгие

годы В.А. Долидзе был Главным конструктором электрохимического приборостроения.

Значимый этап его деятельности в 70-80-х гг. – это руководство работами по разработке приборов и автоматизированных систем морского назначения. И сегодня эти приборы с успехом выполняют свои функции на многих надводных и подводных судах, обеспечивая надежную работу атомных энергетических установок.

В 1985 г. Министр приборостроения СССР М.С. Шкабардя в письме в адрес Президиума Академии наук Грузии подчеркнул: «Практически все выпускаемые предприятиями Минприбора СССР рН-метры и ионометры созданы с использованием результатов работ В.А. Долидзе».

Он относился с фанатичной привязанностью к своей работе и требовал этого от других. Наизусть знал параметры всех приборов на производстве. Навероятно был требователен к самому себе и к окружающим. Он на лету схватывал суть, обладал феноменальной памятью и врожденной грамотностью, вкпе со строгостью и неприимостью к халатности – так

выглядел заместитель генерального директора крупного предприятия НПО «Аналитприбор».

Оставив руководящий пост, Владимир Долидзе продолжал вносить свой вклад в науку. Он работал профессором на кафедре информационно-измерительной техники Грузинского технического университета, был членом Комиссии по присуждению ученых степеней, а также – экспертом Американского библиографического института (АВІ), трудился в НИИ экспериментальной и клинической медицины Тбилисского государственного медицинского университета, руководил научно-техническими работами по разработке новых методов анализа, биосенсоров, нанотехнологий.

В.А. Долидзе вел активную редакторскую деятельность: принимал участие в составлении и выпуске более тридцати изданий. Под его научным руководством защищены 1 докторская и 4 кандидатских диссертации.

В 1996 г. Владимир Александрович под патронажем Инженерной академии основал научный журнал «Georgian Engineering News» (ISSN 1512-0287), где работал главным редактором. Таким образом мно-



Владимир Долидзе. 1980 г.

гие ученые Грузии, Азербайджана и Армении получили возможность опубликовать свои труды, повысить уровень профессионализма и получить консультации.

Основные научные достижения В.А. Долидзе отражены в его трудах. Его разработки отмечены пятью золотыми медалями ВДНХ СССР. У ученого около 200 опубликованных работ, 2 монографии, 74 изобретения и 22 зарубежных патента в США, Великобритании, Германии, Франции, Японии и др. странах.

Владимир Александрович Долидзе имел правительственные награды – «Орден Чести», орден «Знак Почета», медали.

О семье

За каждым великим мужчиной стоит преданная ему женщина. Владимиру Долидзе повезло. В 27 лет он познакомился с юной красавицей Мзией. Спустя три года они поженились. Она – его путеводная звезда. Мзия озарила ему дорогу в жизни. Его жена была яркая, образованная, веселая. Ее энергии хватало на все и всех: на его друзей, коллег и, конечно, семью.

У них родилось двое сыновей: Александр и Давид. Казалось бы, карьера на взлете, дома – порядок и уют. Горе ворвалось в их семью неожиданно: умер

младший сын, четырехлетний Дато. Владимир и Мзия долгое время были подавлены. Однако оба этих незаурядных человека смогли найти в себе силы жить дальше, сквозь годы пронеся и храня в сердце скорбь о потерянном ребенке.

Старший сын Александр пошел по стопам отца, выбрав химический факультет. Окончил в Ленинграде технологический институт им. Ленсовета, защитил докторскую диссертацию и стал член-корреспондентом Инженерной академии Грузии.

Мзия Михайловна была преподавателем музыки, у них в семье часто бывали люди искусства. Беседы о музыке, живописи и литературе сопровождали их всегда.

В квартире было два инструмента: концертный рояль, до которого Владимиру Александровичу было запрещено дотрагиваться. И пианино, которое, по словам его жены, можно было терзать. И не случайны были такие запреты и опасения. Владимир Долидзе играл со всей присутствующей ему страстью, не щадя клавиш.

Не зная нот, он играл на слух так, что ему позавидовали бы многие профессионалы. Во время шумных встреч с друзьями Владимир Александрович был душой компании. Он садился за инструмент и играл на заказ любую мелодию или песню.

Супруги даже ссорились из-за того, что во время дружеских вечеринок Владимир никому не давал раскрыть рта. Он был центром вселенной. Сыпал шутками, анекдотами, байками или научными открытиями в популярном изложении. На его фоне не каждый мог блеснуть красноречием. Многие родственники и друзья до сих пор вспоминают, как он, химик по образованию, блистательно разбирался в физике, математике, медицине, астрономии, литературе, искусстве... Любил и умел грамотно поговорить о мировой политике и выдающихся деятелях. В узком кругу его называли живой энциклопедией.

Они прожили вместе почти полвека, в радости и горе. Он был не приспособлен в быту, полностью погружен в науку и производство. Она хранила до-

С супругой Мзией



машный очаг, обеспечивая надежный тыл. А те редкие минуты, когда они оставались наедине, были праздником для обоих. Он, романтик в душе, мог в порыве чувств прямо на бумажной салфетке в ресторане написать экспромт – признание. А она – настоящая женщина, всепонимающая и преданная, хранила годами столь трогательные проявления любви.

В их жизни бывало всякое. После развала СССР науку финансировали крайне скудно. Но Владимир Долидзе не мог предать ее, эту страсть, которой посвятил многие годы своей жизни. Только исследования и открытия занимали все его сознание. В то время он получал в купонах огромную зарплату – пачки купюр, которые не умещались в карманы брюк. Однако вся эта сумма в эквиваленте равнялась одному доллару...

И снова выручила верная спутница жизни. Она, заслуженный педагог Грузии, устроилась на подработку, совершенно не связанную с ее профессиональным образованием, чтобы помочь мужу прокормить семью.

Среди многих записей, тетрадей и заметок Владимира и Мзии Долидзе есть одна интересная вещь. Ее сохранила с любовью жена. Это школьная тетрадка маленького Володи, а в ней засушенный цветок, что когда-то в пору юности он подарил ей. Их история – это история верности, любви и мужества.

Многогранная личность

Владимир Александрович читал неизменно много. Собрал роскошную библиотеку мировой классики и специальной литературы на разных языках. Во время дефицита информации, при отсутствии интернета он был в курсе многих новейших разработок ученых из разных областей.

Владимир Александрович никогда не останавливался на достигнутом. Он в совершенстве знал грузинский и русский. Мог писать стихи на обоих языках, используя такие тонкости и обороты речи, которые порой известны только лингвистам.

Самостоятельно изучил испанский и английский. Без современных методов и аудио-



В студенческие годы. Москва

курсов. Только по книгам и самоучителям. Довел свои знания до такого совершенства, что мог свободно читать лекции на этих языках. В 1970 годы читал лекции в университете на Кубе.

Он был увлечен шахматами. В свободные минуты устраивал жаркие блиц-турниры с коллегами и друзьями. Однажды на отдыхе, в непринужденной обстановке, ему удалось сыграть вничью партию с чемпионкой мира по шахматам, удивив окружающих.

Острый ум, обаяние и огонь в глазах – таким был Владимир Александрович Долидзе, человек, который самоотверженно добивался для науки и промышленности страны огромных успехов.

Он был знаком со столичными академиками и профессо-

рами, дружил с выдающимися учеными мира, тесно общался с министрами, ректорами различных вузов и руководителями крупных предприятий. Но при этом никогда не кичился своими успехами или знаниями. Его любимая фраза и сейчас воспитывает внука, названного в его честь: «Скромность украшает мужчину...».

Порой человеку, чтобы прожить насыщенную, яркую жизнь, хватает только одного таланта в одной области. Владимир Долидзе был щедро одарен многими выдающимися качествами. Он был подобен химическому элементу – титану: легкий и прочный. Исключительной силы ума и твердости духа, истинный титан науки.



Зимний дворец и бриллиант «Орлов»

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Я окончил пятый класс, когда наша семья переселилась с Плехановского проспекта на улицу Чайковского в Соллолаки, в дом номер три, построенный еще при Александре III. Там, как водится, в старых тбилисских дворах, на скрипучих деревянных балконах гнездились немало замечательных историй, связанных с их бывшими обитателями. Одна из них — о «дяде Ване, который когда-то спас царские сокровища, а недавно переехал в Сабуртало». Дочь дворничихи Залиха, сын молочника Лева и другие ребята показывали мне комнатки с окнами на уровне тротуара, где жил этот высокий старик с безукоризненной офицерской выправкой. И вспоминали его рассказы, похожие на приключенческую книгу. Ох, как я жалею сегодня, что на несколько

лет разминулся в нашем дворе с князем Иваном Ратишвили, сделавшим великое дело на невских берегах и, скромным пенсионером, дожившим свой век на берегах Куры!

Есть люди, про которых говорят «военная косточка». К ним относился и Иван Дмитриевич Ратишвили, происходящий из той ветви древнего княжеского рода, которая переехала в Россию в 1724 году вместе с царем Вахтангом VI. Почти все ее мужчины служили в российской армии уже под русифицированной фамилией Ратиев, четверо из них получили генеральские звания. Офицером был и Дмитрий Ратишвили, служивший в Орле и женившийся там на Ольге Масловой, дочери попечителя гимназии. В 1898 году у них родился второй сын, Иван. И когда его дедушка Михаил Маслов,

вместе с еще одним меценатом, основали на свои деньги кадетский корпус, мальчик, конечно же, стал учиться именно там. А затем — привилегированное Николаевское кавалерийское училище Санкт-Петербурга, где в одни с Иваном годы учились будущие: президент Финляндии маршал Карл Маннергейм, руководитель Белого движения генералы Петр Врангель, Владимир Каппель, Андрей Шкуро...

Как и они, Ратишвили успешно начинает военную карьеру. Он, как тогда говорили, «выпущен» в один из лучших полков русской армии — 44-й драгунский Нижегородский Его Величества полк, располагавшийся в Тифлисе. Шефом этого полка был сам Николай II, когда-то им командовал тесть Грибоедова поэт Александр Чавчавадзе.



Николаевское кавалерийское училище

А еще в разное время в нем служили принц Французской Империи, представитель императорского дома Луи Наполеон Жозеф Жером Бонапарт, брат Пушкина Лев, декабристы Александр Одоевский и Александр Якубович, числился Лермонтов...

Отпуск блестящий офицер проводит, естественно, за границей и в одном из путешествий по Европе знакомится со светлейшей княжной Екатериной Багратиони-Грузинской, правнучкой царя Картли-Кахети Ираклия II, которая вхожа в самый высший свет России – она фрейлина императрицы Александры Федоровны. Для венчания в 1893-м влюбленные не представляют иного места, кроме Тифлиса, здесь же рождается их первенец Дмитрий, а в Петербурге, где Екатерина Ираклиевна должна бывать в соответствии с придворной должностью, появляется на свет дочь Ольга.

Казалось бы, живи да радуйся! Но, волею судьбы, Ивану не дано продолжить карьеру в боевом строю. На одной из скачек, в которых он регулярно участвует на Дидубийском ипподроме Тифлиса, князь получает травму и оказывается вынужденным покинуть армейские ряды. Он уезжает в Париж, слушает там лекции в Академии

изящных искусств, по возвращении работает в Министерстве императорского двора. Но к организационно-управленческой работе сердце не лежит. «Военная косточка» берет свое: Иван Дмитриевич добивается, чтобы его прикомандировали к кавалерийскому подразделению Зимнего дворца, входящему в ведение министерства.

Хорошие офицеры необходимы и на придворной службе. Вскоре царским указом, ротмистр Ратишвили производится в подполковники кавалерии императорской гвардии, охранявшей Зимний. Почти за год до Октябрьского переворота «за отличие по службе» получает звание полковника и назначается «исправляющим должность полицмейстера». Так назывался начальник всей дворцовой охраны. А обеспечивать в ту пору безопасность бывшей императорской резиденции весьма непросто. Семья Николая II переехала в Александровский дворец Царского Села еще в 1904-м – болеет наследник, к тому же в столице всегда неспокойно. В Зимнем Романовы появляются только на официальных церемониях. А с 1915 года этот дворец отдается под хирургический госпиталь для «нижних чинов», то есть солдат. Рассчитанный на тысячу коек, он был оборудован по послед-

нему слову медицинской науки, в нем проводились самые сложные, в том числе и нейрохирургические операции. Раненых солдат разместили почти во всех залах Зимнего дворца, превращенных в огромные палаты. И именно этот госпиталь князю Ратишвили приходится защищать. Нет, не от толпы, а от не в меру ретивого генерала.

С конца февраля в Петрограде нарастают волнения, забастовки и демонстрации, взяты штурмом тюрьмы, большинство армейских частей переходит на сторону восставших, начинаются грабежи. Командующий войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенант Сергей Хабалов решает ввести в Зимний дворец оставшиеся верными присяге части полков. В дворцовый двор вкатываются тяжелые орудия, входит пехота. В выходящих на Дворцовую площадь окна устанавливаются пулеметы. Ратишвили понимает: в наибольшей опасности анфилада залов, выходящих на

Ротмистр Иван Ратишвили





Княжна Екатерина Багратиони-Грузинская

набережную Невы – там лежачие больные. И при артиллерийском обстреле пострадают именно неспособные передвигаться люди, врачи и сестры милосердия. Да и уникальный дворцовый ансамбль будет поврежден.

Князь решительно протестует против действий Хабалова, тот стоит на своем, и Иван Дмитриевич звонит генерал-инспектору кавалерии великому князю Михаилу Александровичу. Тому самому брату царя, в пользу которого Николай II отречется от престола, и который, в свою очередь, откажется от трона. Великий князь немедленно, в три часа ночи, приезжает во дворец, выслушивает Ратишвили. Генерал Хабалов и последний военный министр Российской империи Михаил Беляев предлагают Михаилу Александровичу возглавить оборону дворца, но он отказывается, приказывает очистить Зимний от войск и военной техники. Все тогдашние газеты, независимо от их политической окраски, признают: так было предотвращено ненужное кровопролитие и спасен дворец. Правда, никто не уточняет, что произошло это благодаря грузинскому князю.

Затем – отречение императора от престола, в Зимнем размещается Временное правительство, не ограничивающее себя в роскошных помещениях. В Малахитовом зале проходят совещания, министр-председатель и главнокомандующий



Семья Ратишвили

Александр Керенский поселяется в бывших апартаментах Александра III, доклады принимает в библиотеке Николая II, а охрану свою размещает в парадном Белом зале и Золотой гостиной. Огромный аппарат министерства устраивается с комфортом, создает приемные для просителей и посетителей. Так, по свидетельству современника, между февралем и октябром 1917-го дворец превращается в проходной двор – «там находились правительственные учреждения, которые посещала самая разнообразная публика». Ратишвили, ставший помощником начальника дворцового управления и полицмейстером Зимнего дворца, – один из немногих, кто старается поддерживать порядок.

Худо-бедно это удастся до захвата дворца в октябре. Именно захвата, так как никакого штурма не было. Среди защитников Зимнего были лишь около ста сорока ударниц «женского батальона смерти», две-три роты юнкеров да еще сорок инвалидов-гренадеров – Георгиевских кавалеров, составивших нечто вроде комендантской роты. Уходят казаки, изголодавшие и возмущенные тем, что воевать придется рядом с «бабами с ружьями». Политический комиссар Михайловского артиллерийского училища уводит единственную батарею, броневики уезжают из-за нехватки бензина. А начальником обороны назначается полковник Александр Ананьев, руководитель школы инженерных прапорщиков. Он так «организует» оборону, что все готовятся к штурму со стороны фасада, который уже несколько дней обстреливается из винтовок и пулеметов. Но при этом забывают (!) запереть задние двери со стороны Невы. И именно оттуда во дворец проникают матросы и рабочие во главе с секретарем Петроградского военно-революционного комитета Владимиром Антоновым-Овсеенко, арестовавшим Временное правительство в Малой столовой. Преспокойно



попадают в бывшую царскую резиденцию и абсолютно посторонние, любопытствующие люди, среди которых немало желающих пожить в ней. И князь Ратишвили решает спрятать бывшие царские сокровища, да и вообще все наиболее ценные вещи. Почему принимается это решение? Прочтем лишь три свидетельства очевидцев, в том числе и сочувствующих большевикам.

Американский журналист Джон Рид, автор книги «Десять дней, которые потрясли мир», и сам побывавший в те дни в Зимнем: «Увлеченные бурной человеческой волной, мы вбежали во дворец через правый подъезд, выходящий в огромную и пустую сводчатую комнату... Здесь стояло множество ящиков. Красногвардейцы и солдаты набросились на них с яростью, разбивая их прикладами и вытаскивая наружу ковры, гардины, белье, фарфоровую и стеклянную посуду. Кто-то взвалил на плечо бронзовые часы... Некоторые люди из числа всех вообще граждан, которым на протяжении нескольких дней по занятии дворца разрешалось беспрепятственно бродить по его комнатам, крали и уносили с собой столовое серебро, часы, постельные принадлежности, зеркала, фарфоровые вазы и камни средней ценности».

Революционерка, журналистка и поэтесса Лариса Рейснер: «Толпа искала Керенского – и нашла на своем пути фарфор, бронзу, картины, статуи и все это разбила. Если заяц бежит от охотников в хрустальный магазин, он ведет за собой свору, которая придет по его следам и все



И. Владимиров. Взятие Зимнего дворца. 1918

перебьет. Тут ничего неожиданного нет. Кабинет Александра II, молельня и т. д. превращены в кучу осколков; мундиры, бумаги, ящики столов, подушки, постель – все решительно искрошили. Каким-то чудом уцелело под стеклом генеалогическое дерево с миниатюрными портретами на конце расщепленных ветвей. Странно его видеть



Помещения Зимнего дворца, разгромленные во время захвата

над всеобщим погромом. Оно возвышается такое бледное, такое хрупкое».

Специальная комиссия Городской думы, обследовавшая дворец через пять дней после его захвата, «столкнулась в тех местах, где проходили грабители, с картинами настоящего вандализма: у портретов прокалывались глаза, с кресел срезались кожаные сиденья, дубовые ящики с ценным фарфором пробивались штыками, ценнейшие иконы, книги, миниатюры и т. п. были разбросаны по полу». Часть похищенного позднее удалось вернуть, ее обнаружили у перекупщиков на рынках и у иностранцев, выезжающих из России.

Грабили, в основном, второй этаж – бывшие царские покои вдоль «императорского» фасада. Начался и погром погреба с ценнейшими винами. Все это потом стало пресекаться большевистскими командирами, но все же грабеж длился несколько часов. Именно в эти часы Иван Ратишвили спасает сокровища, оставшиеся во дворце. Вот что напишет об этом в 1957, к сорокалетию взятия Зимнего, тбилисская газета «Заря Востока»:

«В 1917 году И. Д. Ратишвили занимал пост помощника начальника дворцового управления Зимнего дворца. 25 октября, когда все руководители министерства двора в панике бежали, он единственный своего поста не бросил, понимая, что надо сохранить для народа, для потомства огромные ценности, сосредоточенные во дворце. Под его руководством гренандеры охраны снесли все наиболее ценное в сейфы подвального помещения. У сокровищницы, о местонахождении которой во дворце мало кому было известно, и где хранились, среди прочего, атрибуты царской власти – скипетр со знаменитым бриллиантом Орлова в 185 карат, императорские корона и держава, он поставил для охраны своего 16-летнего сына и двоих самых надежных гренандеров. Когда

во дворец ворвались штурмующие отряды, Иван Дмитриевич установил контакт с Антоновым-Овсеевко. Солдаты и матросы с удивлением наблюдали на статного полковника, осмелившегося здесь остаться, свободно ориентировавшегося в бесконечных залах и коридорах. Участники штурма и гренандеры рассказали о благородных и патриотических действиях полковника...».

В этом материале не все точно. Юнкер Дмитрий Ратишвили был на пару лет старше. Нет ни

Владимир Антонов-Овсеевко



«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ
ДЕПУТАТОВ»
№ 218

П Р И К А З

ДО ВЫШЕМУ МИНИСТЕРСТВУ ДВОРА / Во исполнение
приказа от 4-го Ноября 1917 г.

1. Вступив в исполнение обязанностей Народного Комиссара по просвещению и заведыванию бывшим министерством двора, предлагаю служащим быв. мин. двора остаться при исполнении своих обязанностей.
2. Худож. Истор. Комис. по дворцам Петрограда, Царского Села, Гатчины и Петергофа проку продолжать начатую работу по проверке, описи, приемке дворцового имущества и составлению худож.-истор. каталога всех выдающихся и заслуживающих внимания в художественном и историческом-бытовом значении предметов, находящихся в Зимнем Дворце и др. Государственных дворцах Петроградского района, при участии правительственных комиссаров т.т. Циманова, Манделъбаум и Игнатова. Художественно-Исторический Комиссия предоставляется право назначить сведущих лиц по своему усмотрению.
3. В соответствии с постановлением Худ.-Истор. Комиссии Зимнего Дворца от 3-го Ноября этого года об объявлении в/о этого числа Зимний Дворец закрытым для всякого рода частных посетителей, впредь до окончания работ Худ.-Истор. Комис. назначить описью и приемкой находящихся во дворце предметов, в/о искреннюю благодарность пом. нач. двор. управления кн. Ратиеву за самоотверженную работу и старания Народный комиссар Зимнего Дворца в ночь с 25-го на 26-ое октября 1917 года, а также благодарю тех из дворцовых служащих, кои в эту ночь были и остались на своих постах охраняя общественное достояние дворца.
4. В виду происшедших событий в ночь с 25-го на 26-ое октября проку пом. нач. двор. управ. обратят особое внимание на внутреннюю охрану Зимнего Дворца, а подведомственных служащих всех наименований и категорий беспрекословно подчиняться его распоряжениям.
5. Внутреннюю охрану Зимнего дворца имеет военский караул Преображенского полка и отдельные части Красной гвардии.
6. Все распоряжения хозяйственно-административного характера по всем учреждениям быв. министерства двора, исходящие от начальников этих учреждений, производятся в жизнь по согласованию с помощником или по заведыванию бывш. Министерством Двора Н.В. Игнатовым.
7. Помощником или по заведыванию бывш. Министерством Двора и всеми правительственными комиссарами бывш. Министерств Двора назначен Н.В. Игнатов.

Благодарность А. Луначарского князю Ратишвили

слова о том, что пока Иван Дмитриевич защищал сокровища, его собственная квартира была разграблена, как и квартира директора Эрмитажа Дмитрия Толстого. Но вообще, с чего это орган ЦК коммунистической партии Грузии в годовщину «великой революции» вспоминает о человеке, который «классово чужд» советской власти и даже арестовывался? А дело в том, что задолго до этого, еще в 1917-м, с поступком Ивана Дмитриевича был связаны высшие имена в большевистском руководстве.

Рискуя жизнью, князь наотрез отказался отдавать ключи от хранилища солдатам с матросами, потребовав встречи с главным начальством. И вручил их лишь Антонову-Овсенко, зная, что тот организует охрану драгоценностей. Затем звучит имя Анатолия Луначарского. Тот, «вступив в исполнение обязанностей Народного комиссара по просвещению и заведыванию бывшим министерством двора», 4 ноября объявляет «искреннюю благодарность помощнику начальника дворцового управления князю Ратиеву за самоотверженную защиту и охранение народных сокровищ Зимнего Дворца в ночь с 25-го на 26-ое октября 1917 года». На следующий день в газете «Известия ЦИК и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» печатается документ,

в котором не только благодарность «пом. нач. дворц. управления кн. И. Д. Ратиеву». Есть и такие строки: «Присвоить ему, как лицу, отвечающему за целостность дворца, имущества и всех художественно-исторических ценностей, полномочия главного коменданта Зимнего дворца и всех госуд. дворцов и музеев Петроградского района...» Подпись – Владимир Ульянов (Ленин). К тому же вождь мирового пролетариата в те дни называет Ратишвили не иначе, как «товарищ князь».

В своей новой должности Иван Дмитриевич вновь рискует жизнью, но уже вне стен Зимнего дворца. Первое советское правительство переезжает из Петрограда в Москву, туда же перевозится и золотой запас страны. Ратишвили сопровождает «золотой эшелон» и отвечает за его безопасность. Вокруг царит полный хаос, желающих завладеть таким грузом предостаточно. Князю угрожают, всячески препятствуют продвижению поезда, в Твери эшелон даже обстреливают. Но, несмотря ни на что, Ивану Дмитриевичу удается довести состав до Москвы. Эта опасная поездка обыграна в фильме «Посланники вечности», вышедшем на экраны в 1970 году. Правда, там вместо Ратишвили, сопровождающего золото, – некий «князь Оленский», якобы директор Эрмитажа, вывозящий коллекцию музея. Единственное что в реальности связывает Ратишвили с этим фильмом – имя актера, исполняющего роль Олен-

Афиша фильма «Посланники вечности»



ского, знаменитого Ивана Лапикова.

Когда советская власть крепнет, «бывший князь» оказывается не нужным ей, и Ратишвили не задерживается на государственной службе. Начинается черная полоса его жизни. Он работает переводчиком в различных учреждениях, когда в 1924-м к нему в семью приходят чекисты. Иван Дмитриевич, его дочь Ольга и сестра Софья (жены уже не было в живых) обвинены в принадлежности к некоей «контрреволюционной монархической организации». Приговор – пять лет лагерей. Но документы, подписанные Лениным и Луначарским, не скрешь, не отменишь. И лагерь заменяется высылкой в Екатеринбург, где семья проводит три года. За это время в Москве-реке тонет сын Дмитрий, плечом к плечу с отцом стоявший на охране сокровищ...

В начале 1930-х, недолго прожив в Москве, Ратишвили переезжает в Тифлис, а его дочь выходит замуж за Юрия Львова, племянника князя Георгия Львова, которому Николай II передал власть, отвергнутую великим князем Михаилом.

Ольга Львова



И Львов возглавлял Временное правительство до Керенского, а советская власть такого не забывает... Венчаются Ольга и Юрий в Тифлисе, Иван Дмитриевич, понимая, что им не уйти от репрессий, умоляет их остаться в Грузии, ведь здесь многие «отсиживались» от больших неприятностей. Но молодожены уезжают в Ленинград. Там, после убийства главы Ленинградской области Сергея Кирова, Львовых арестовывают и ссылают в Куйбышев, а в 1938 году Юрия расстреливают. В 1940-м, после ссылки, Ольга с дочерью тоже переезжают в Тбилиси.

Во второй половине 1950-х про заслуги «товарища князя» вдруг вспоминают. Появляется та самая публикация в «Заре



Иван Дмитриевич Ратишвили



Ул. Чайковского, 3. Здесь жил князь Ратишвили

Востока», к скромному пенсионеру приходят историки, пионеры, киношники... Ратишвили даже получает квартиру в новостройках Сабуртало, где доживет до девяноста лет. Вспыхнувший интерес к себе он воспринимал спокойно, не любил, как сказали бы сегодня, пиариться. А его самый первый, по горячим следам, рассказ о том, что было в Зимнем дворце, характеризует этого удивительного человека лучше любых официальных документов. Своему двоюродному брату-студенту Военно-медицинской академии в Петрограде он сказал на сле-

дующий день после переворота:

«Габо, ты знаешь, вчера я чуть не погиб. Сажу я у себя в комнате и вдруг слышу шум на иорданской лестнице. Выхожу, и что я вижу? По лестнице поднимается чернь. А у меня никакого оружия. Только шпоры... Что делать? Я топнул ногой и закричал: «Мерзавцы! Вон отсюда!» Представляешь, они ушли... А ведь могли... Ведь у меня не было никакого оружия – только шпоры».

Оказывается, все было так «просто»...



Шиомгвиме

МЦЫРИ – УЗНИК ШИОМГВИМЕ?

■ Роксана АХВЕРДЯН

(Дополнение к моей статье «Мцыри» Лермонтова и Имеретинское восстание», «Русский клуб», 2014, №11, 12)

По традиции считается, что действие лермонтовской поэмы «Мцыри» происходит в Джварис-сакдари – храме, возвышающемся над Мцхета. Но из текста поэмы ясно, что в описании монастыря поэт воплотил воедино два мцхетских храма. В Светицховели его внимание привлекли гробницы грузинских царей, а в Джварис-сакдари – местоположение и романтическая обстановка. В поэме легко узнаваемы также окрестности Зедазенского монастыря, некогда занимавшего ведущее место в иерархии грузинских монастырей. Он находится к востоку от Мцхета, на отвесном утесе. Утес представляет собой наложение скалистых плит, напоминающих ступени уходящей в небо гигантской лестницы. В грузинской народной песне говорится, что они, эти ступени, «в Зедазени лестницей к небесным верши-

нам стоят».

Согласно народному же сказанию, на вершине утеса в давние времена обитал великан (дэви), который сторожил окрестности Мцхета. Перед заходом солнца он выходил на берег Арагви, становился на колени и пил воду из реки. Видные и сегодня два углубления на поверхности утеса Зедазени образовались будто бы от колен великана. Лермонтов, несомненно, был знаком с этой легендой. Он описывает, как бежавший из монастыря Мцыри лежит на краю утеса, на краю грозящей бездны, «где выл, кружась, сердитый вал; туда вели ступени (подчеркнуто нами. – Р.А.), но лишь злой дух по ним шагал, когда, поверженный с небес, в подземной пропасти исчез». Мцыри рассказывает: «держась за гибкие кусты, с плиты на плиту я, как мог, спускаться начал...».

Но ни в одном из описанных нами храмов в то время не было мужского монастыря, о котором пишет Лермонтов, в котором Ермолов мог бы оставить заболевшего пленного мальчика. По мнению Ираклия Андроникова, в первой половине XIX века ни во Мцхета, ни в его окрестностях не было ни одного действующего мужского монастыря. Действительно, Светицховели был кафедральным собором, в Джварис-сакдари монастырь находился с VII века, но в X веке был упразднен. Самтавро был женским монастырем, Антиохийская церковь пустовала, Саркинет лежал в развалинах. Был еще монастырь в 11 верстах от Мцхета, на горе Зедазени, тот, о котором мы уже говорили, но его в 1705 году разорили лезгины, и в 1830 он все еще лежал в развалинах.

Таким образом, получается, что Лермонтов выдумал, будто возле Мцхета в то время находился мужской монастырь. Поэт, конечно, вправе отойти от житейского факта во имя художественной правды. И все же очевидное несовпадение



Мцхета

«факта» и «правды» важно для любого художника, для Лермонтова в особенности.

В поисках исторической основы места действия поэмы мы обнаружили, что по каким-то причинам от внимания Андроникова и других лермонтоведов ускользнуло одно важное обстоятельство. В окрестностях Мцхета, очень близко от него существовал еще один монастырь – Шиомгвимский, хорошо известный в Грузии. В книге А. Вольской «Рельефы Шиомгвимского монастыря и их место в развитии грузинской средневековой скульптуры» (Тбилиси, 1957) приводится библиография работ, посвященных этому монастырю, занимавшему в иерархии грузинских монастырей второе место после Зедазенского. И если Лермонтов заинтересовался Зедазенским монастырем и его окрестностями, то естественно предположить, что ему было известно, по крайней мере, о существовании Шиомгвимского мужского монастыря.

Мы отыскивали труд известного грузинского историка Платона Иоселиани «Описание Шиомгвимской пустыни в Грузии» (под словом «пустыня» под-

разумевалась обитель, то есть монастырь), который был отпечатан в 1845 году в Тбилиси в типографии Главного Управления Закавказским краем. Как видим, книга вышла в свет всего лишь семь лет спустя после посещения Лермонтовым Мцхета и его окрестностей, и, следовательно, она содержит актуальные для того времени данные. Изучение книги П. Иоселиани подсказало нам, что Лермонтов описал реальность того времени – в Шиомгвиме действительно находился в то время мужской монастырь. Расположен он был на северном берегу реки Мтквари (Куры), примерно в 30 км от Тбилиси и всего в 6 километрах от Мцхета.

Историк, дав развернутую картину его местоположения и поведав историю преподобного Шио, подробно рассказывает о монастыре, его прошлом и настоящем. Платон Иоселиани был досконально точным ученым, основывавшемся на неоспоримых данных. По его словам, когда-то в древности в монастыре и близ него поселились около пяти тысяч монахов. Сюда приходило огромное количество богомольцев.

Монастырь, основанный в VI веке, получил свое название от имени святого Шио, основателя обители. Он, как и Иоанн Зедазенский, принадлежал к числу 13 знаменитых ассирийских отцов, которые прибыли в Грузию в VI веке в качестве миссионеров и основавших здесь крупные христианские монастыри и общины. Самой первой постройкой в Шиомгвиме был храм святого Иоанна Крестителя, возведенный в 560-580 годах. К тому времени относятся также и вырытые монахами пещеры – вокруг монастыря и вдоль дороги, ведущей к монастырскому комплексу.

По рассказу Платона Иоселиани, Святой Шио провел последние годы отшельником в глубокой пещере в месте, которое впоследствии было названо «Шиомгвиме» – пещера Шио (слово «мгвиме» в переводе на русский означает «пещера»). «Мгвимским» монастырь был назван именно потому, что здесь было множество пещер, в которых жили монахи. Последний пещерный подвижник Виссарион, по словам П. Иоселиани, скончался в 1827 году. О том, что в пещерах Грузии жили люди и слу-

жили монахи, подтверждают и знаменитые Вардзия и Уплисцихе. Со временем подступы к пещерам разрушились, но Иоселиани все же удалось насчитать до тысячи пещер возле Шиомгвимского монастыря.

Внутри храма был размещен богато украшенный каменный иконостас со сценами жития преподобного Шио, находящийся сейчас в Государственном музее искусств Грузии. Археологическая экспедиция 1937 года обнаружила, что воду Шиомгвимской общине поставлял 2-х километровый водопровод, протянутый из соседней деревни Схалтба и упомянутый в летописи 1202 года как построенный епископом из Чкондиди, министром царицы Тамары.

Шиомгвимский монастырь то процветал, собирая большое количество монахов и богомольцев, то разрушался и пустел в периоды падения единого грузинского царства, непрекращающихся чужеземных вторжений и войн. В 1730 году он был полностью восстановлен, но в 1743 году монахи вновь покинули его, и новое заселение состоялось лишь спустя 60 лет, в 1803 году, после присоединения Грузии к России.

В 1820 году, в год предполагаемого пленения Мцыри, а также в 1837 году, когда во Мцхета и его окрестностях побывал Лермонтов, Шиомгвимский монастырь был действующим, и поэт мог его видеть. Сам Иоселиани добирался до монастыря от Мцхета, от которого до монастыря всего 6 км, то есть по дороге, которой мог воспользоваться и Лермонтов. Я сама вместе со своей дочерью побывала в этом монастыре около 25 лет назад. Там тогда была действующая церковь, принадлежавшая бывшему монастырю. Место это, находящееся на высокой горе, поражает своей необыкновенной красотой. Действует монастырь и в настоящее время.

Платон Иоселиани в своей



Храм Джвари

книге подробно рассказывает об устройстве обители, ее иеромонахах и послушниках, о кельях, где жили монахи, описывает их быт, службу в храме. Здесь же он приводит список настоятелей Шиомгвимского монастыря. Обращает на себя внимание то, что все настоятели этого монастыря с XIX века, были русскими. И это не удивительно, так как колониальная политика царского правительства, проводимая в Грузии после присоединения к России в 1801 году, проявилась и в великодержавной политике по отношению к грузинской церкви.

Дело дошло до того, что специальным указом в некоторые дни в Грузии было запрещено проводить церковную службу на грузинском языке. Учитывая, что в Шиомгвимском монастыре настоятелями были только русские иерархи, можно сделать вывод, что служба здесь велась исключительно на русском языке, который для Мцыри был «чужим». И если действительно пленный мальчик попал сюда, то для него этот язык был непонятным и чужим. Так в поэме соединились вымысел и реальность.

Из списка Иоселиани выясняется также, что все настоятели Шиомгвимского монастыря

со времени образования Тбилисской духовной семинарии были ее ректорами. Следовательно, этот монастырь был придан семинарии и управлялся, видимо, из Тбилиси. Все его настоятели возвращались через некоторое время в Россию и при этом «с повышением», получая высокие церковные должности. Все это говорит о важном значении Шиомгвимского монастыря в первой половине XIX века, когда его мог посетить Лермонтов. Несомненно, мог знать о нем и Ермолов, который постарался именно туда поместить плененного мальчика.

В эту обитель, в 6 км. от Мцхета в единственный действующий мужской монастырь, вполне мог попасть Мцыри. В свою очередь, его мог посетить Лермонтов в 1837 году, где услышал рассказ старого монаха.

Таким образом, по нашей версии, Лермонтов изобразил в своей поэме реальную действительность своего времени, и Мцыри – герой его поэмы – был узником реально существовавшего и действовавшего в те годы Шиомгвимского мужского монастыря.



ЗЕЛЕНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

■ Ирина КВЕЗЕРЕЛИ-КОПАДЗЕ

Лондон травмирует воображение красотой своих парков, зеленых дворов и лесов в центре города! Почему мы принадлежим к другой цивилизации, которой всего этого не нужно?

Наполненный перегаром машин воздух Тбилиси после весеннего благоухающего Лондона лишь усиливает эмоцию! Нам что и дышать не нужно?!

Одно азартное желание – немедленно создать в Тбилиси лондонские зеленые дворы. Вначале это только личное желание, но со временем, надеюсь, оно станет общим. И одни вопросы: с чего начать? Как должен выглядеть современный зеленый двор? Кто согласится работать во дворе? Сколько все это будет стоить? Где взять деньги? Вопросы без ответов. И только одна мысль не приходит в голову: «Какой будет реакция жителей многоквартирных домов на создание в их запущенном, вытоптанном, загаженном дворе мини-парка?» Кажется, что жители будут рады

и готовы помочь. Но это ошибка

Агрессия, с которой придется столкнуться в отдельных дворах, совершенно неожиданная и необъяснима. Это явление проанализируем позже. А вначале нужно найти единомышленников и деньги.

Единомышленники нашлись быстро. Неправительственная организация «Бавшви да гаремо» (Ребенок и среда) двадцать лет возвращает детство беспризорным и детям из социально незащищенных семей. Бессменный президент организации госпожа Нино Иашвили и ее сотрудники находят таких детей, проводят медицинское обследование, лечат, кормят, учат, творчески развивают, проводят фестивали и конкурсы. Дарят свое внимание и тепло тем, кто его полностью лишен. Они должны были нас услышать!

Сегодня в Тбилиси все дети, без исключения, оказались в заставленных машинами, неэкологических и небезопасных дворах.

Администрация города и районов уже несколько лет благоустраивает разрушенные спортивные и детские площадки во дворах, но никто не занимается озеленением территорий. Воздух во дворах остается запыленным и загазованным, а значит качество жизни по-прежнему очень низким.

«Бавшви да гаремо» стала нашим верным и надежным партнером. Когда же GEF (Программа малых грантов Глобального Фонда защиты природы UNDP) объявила тендер на получение финансирования, мы представили совместный экологический проект и получили грант.

Проект «Новый тбилисский двор» имел целью озеленение трех больших многоквартирных дворов одного из самых загрязненных районов Тбилиси – Сабуртало. В рамках проекта необходимо было изучить и отладить механизм совместной работы жителей многоквартирных домов, администрации района и компании ландшафтного дизайна. Проект предполагался как пилотный для дальнейшего распространения по другим дворам города.

Сегодня, когда два огромных



В озеленении двора приняли участие дети и родители

двора зазеленели изумрудным газоном и украсились бело-розовым облаком цветущих деревьев, мы спокойно приступаем к озеленению третьего двора, уверенные в необходимости и своевременности проекта. Сама же работа во дворах на всех этапах была похожа на «театр абсурда». Поэтому заслуживает более подробного обсуждения для тех людей, которые, возможно, пойдут за нами. Там было все: жадные банки и щедрые безработные, хитрые монахини и креативные чиновники, философствующие мусорщики и оружие профессора, трудолюбивые дети и бездельники отцы. Но вот о чем хотелось бы рассказать подробнее.

Соседские страсти

Как оказалось, мы сами не понимаем, что живем плохо, нам нечем дышать и надо что-то предпринять, пока нам об этом не скажут международные организации. И не только скажут, но и профинансируют! Но и после объяснений мы будем долго сопротивляться, сомневаться, предполагая в их помощи некую «коррупционную составляющую».

Наверное, у каждого человека есть «двор своего детства», с которым связаны щемящие, светлые воспоминания. Такой двор есть и у меня – это проспект А. Казбеги N5 (бывшая Павлова

N5). И хотя я не живу там уже 40 лет, но всегда помню интеллигентную доброжелательность и веселый дух, царившие во дворе. Сегодня это один из худших для жизни дворов Сабуртало. Огромный, грязный, заставленный сотней машин на давно уничтоженных газонах, при полном отсутствии детей даже во время каникул.

Именно с этого двора мне хотелось начать. Тем более, что проект предполагает активное участие жителей дворов. А на кого, как не на соседей из счастливого детства хочется надеяться.

Мы создали несколько версий проекта мини-парка на 250 кв. метрах в центре двора, предусмотрев новые места для стоянки машин. Напечатали баннеры, открыли страницу в Фейсбуке для всеобщего обсуждения. Я начала звонить в знакомые с детства двери, надеясь на поддержку. То, что я услышала, привело меня в замешательство, но потом было закреплено 40 подписями в письме к администрации района. Хорошо знакомые мне люди просили не усугублять и так тяжелейшие отношения, сложившиеся между владельцами машин и остальными жителями. Утверждали, что во дворе не нужны ни мини-парк, ни новые спортивные и детские площадки, поскольку они привлекут много детей. «Ти-

шины хотим, тишины!» – звучало в письме. По меньшей мере странно, если учесть, что во дворе проживают 200 семей!

«Они раздавят колесами все, что вы посадите», – прозвучало на словах. И хотя двор является муниципальной собственностью и по закону только 2/3 голосов жителей двора могут отменить решение администрации о проводимых преобразованиях – мы ушли из этого двора навсегда!

Дальнейшая работа потребовала тщательного изучения обстановки в каждом отдельном дворе. Как оказалось, современные дворы бывают «живые» и «мертвые». Это понятно сразу по оживленности в любое время дня, по наличию детей и нянь с малышами, по приветливому общению соседей, по общему вниманию к происходящему во дворе и отсутствию апатии. Такой двор «живой» и его следует рассматривать для проекта. Из «мертвого» двора следует бежать немедленно! В нем отрицательная энергетика и сад расти не будет!

Битва за территории

Многоквартирные дворы в Сабуртало огромные, поэтому, выбрав двор, не следует пытаться озеленить только 200 кв. метров, предусмотренных в проекте. Все вокруг станет еще ужаснее! Надо озеленять всю территорию, с которой можно убрать машины. Пусть ее выберут жители и утвердит администрация района. Наверняка это будет темой первого столкновения между соседями. Но решать только им! А пока жители ломают копья (а это настоящая битва с криками, зрителями на балконах, выдавливанием с территории проигравших), необходимо поискать во дворе «личный садик под окнами». Таковой есть в каждом дворе. Там трудится Ваш будущий садовник. Для него невыносимо будет смотреть на высыхающий газон и погибающие растения.

«Зеленый человек», который имеет навыки садовника, в дальнейшем станет присматривать за мини-парком даже бесплатно.



Приятно вместе озеленять двор

Но это неправильно!

Захотев иметь во дворе мини-парк, жители должны согласиться постоянно оплачивать профессиональный уход за ним. Пусть эта оплата будет минимальной и необременительной для семьи, но она должна быть ежемесячной и оформленной официальной квитанцией либо договором. Такой договор – гарантия того, что наши дети будут жить не хуже лондонских.

Финансы поют романсы

Программа малых грантов GEF предполагает финансирование только половины проекта. Вторую половину должны оплачивать участники проекта и спонсоры. Так нас приучают не только «смотреть в руки», но и быть партнерами, а значит со-финансировать. Половина из этого со-финансирования должна быть в виде наличных, а другая половина может быть в виде умозрительной стоимости труда волонтеров. Другими словами, жители, которые не хотят тратить деньги на проект, могут поработать во дворе – вскопать землю, убрать мусор, выкопать траншею, посадить деревья и кустарники. Но участвовать обязатель-

но! Опыт показывает, что только вложившись в проект физически и материально, жители в дальнейшем будут следить за садом и беречь свою работу.

Партнерское финансирование не обошлось без сюрпризов!

Мировой опыт озеленения запущенных территорий показывает, что в большинстве случаев существует конфликт между креативными горожанами и бюрократическими чиновниками. Еще до получения гранта мы обращались в администрацию района с просьбой об озеленении дворов и выяснили, что в районном бюджете нет средств на озеленение дворов, лишь небольшая сумма на уход за существующими насаждениями. Тратилась она в основном на кронирование аварийных веток либо снос упавших деревьев. Однако после получения нами гранта и подписания меморандума о сотрудничестве с администрацией Сабурталинского района, к нашему большому удивлению, чиновники оказались хорошими партнерами!

Поскольку большинство дворов многоквартирных домов находится в муниципальной собственности, в меморандуме было оговорено, что мы начи-

наем работы по озеленению на выделенной и уже подготовленной для посадок территории. Нас также не касалась санитарная обрезка старых (иногда пятидесятилетних) деревьев. Поэтому все земляные работы по очистке территории от мусора, демонтажу старого асфальта и бетона на месте старых фундаментов, вывоз мусора, завоз плодородного грунта были выполнены на средства администрации района силами организаций, находящихся у них на контракте. Ими же были вырыты траншеи для бордюрных растений под контролем специалистов районных электросетей. В одном из дворов была вымощена сеть пешеходных дорожек и установлена большая беседка.

Стоимость выполненных администрацией работ была настолько внушительной, что позволила жителям не принимать участие в со-финансировании проекта. А нам спокойно изучить возможности альтернативного финансирования экологических проектов в Грузии.

Результаты изучения, увы, плачевны!

Все попытки домкомов собрать даже символические суммы для приобретения собственного инвентаря для дальнейшего ухода за мини-парками (газнокосилки, садового пылесоса, шланга для полива) не увенчались успехом. На наших глазах жители отказывались платить из-за отсутствия денег, садились в свои дорогие автомобили и уезжали.

К нашему удивлению, подобным нищенским синдромом оказались поражены и банки! Когда в начале проекта заговорили о возможных спонсорах, то имели в виду крупные коммерческие организации и банки, офисы которых находятся на первых этажах дворовых зданий. Организации эти активно пользуются дворами – регулярно подвозят во дворы товары, сотрудники ставят автомобили. Товарищество жильцов подготовило и разослало организациям информационные письма с предложением спонсорской поддержки проекта. Мы предо-

ставили всю затребованную информацию по проекту. Полгода они обдумывали возможность своего участия, и лишь самая маленькая коммерческая организация выделила небольшую сумму, на которую домкомом были приобретены грабли и секатор.

К нашему изумлению, Банк Грузии и Карту Банк, имеющие двухэтажные офисы в жилом доме Пекина 14, отказались поддержать экологический проект. Волей providения через месяц после отказа Банку Грузии понадобилось установить движок в подсобном помещении в середине двора, и для этого прорыть траншею. Товарищество жильцов Банку Грузии отказало. Что же, «не плюй в колодец...», вернее – во двор!

Кто садовник?

Кто-нибудь видел в Тбилиси ухоженные парки? Очевидно, нет. Но все садовники все время очень заняты. Дозвониться, встретиться, приступить к работе – очень сложно и долго. Каким бы простым не был создаваемый сад, у нас всегда должен быть и ландшафтный дизайнер, и садовник. Как удивился бы Михаил Мамулашвили. Современный садовник ничего не может без ландшафтного дизайнера и наоборот. «Два в одном флаконе» нам так и не встретился. А мы искали не просто садовника, а надежного партнера на стартапе.

Как заказчики проекта мы понимали, что мини-парк в многоквартирном дворе должен быть экологичным и эстетичным – оазисом в бетонном городе. При этом неприхотливым в уходе, состоять из преимущественно местных пород деревьев и местных сортов растений для возможной быстрой реконструкции. Должен быть снабжен капельной оросительной системой для ограничения бессмысленных потерь воды. Он должен быть хорошо просматриваем со всех балконов и окон и с точки зрения проходящего человека. И конечно, он должен быть безопасным – без сухих веток, ядовитых, вызывающих аллергию растений, без непрохо-

димых зарослей кустарника. Во всем остальном мы допускали любую импровизацию садовника в рамках существующего финансирования.

Еще на стадии заявки на грант мы заручились поддержкой Зураба Шеварднадзе и его сады питомника «Гардения». Однако после получения гранта проект дворов оказался неинтересным для самой известной сегодня в Грузии компании и нас переадресовали в колледж ландшафтного дизайна. Учебное заведение было создано Зурабом Шеварднадзе несколько лет назад при Патриархии и под покровительством Католикоса Грузии. Сегодня оно имеет статус государственного учебного заведения и подготавливает специалистов ландшафтного дизайна и садовников. Возглавляет его монахиня.

Такой партнер нам казался идеальным во всех отношениях – по гуманитарной идее проекта, по профессиональной и финансовой составляющим. Очевидно, что проект был интересен с учебной точки зрения. Студенты были активно задействованы в работах во дворах. С их участием и у них на глазах на «убитых» территориях за несколько дней возникли парки. Эмоциональная сторона проекта была также для всех очень поучительной. Единствен-

менно во дворах они столкнулись с целым букетом человеческих реакций: от словесной агрессии до сердечной благодарности, от едких комментариев дворовых бездельников до стихов в свой адрес, написанных одинокой старушкой, жительницей двора. Комплексное знакомство с реальной жизнью и профессиональное развитие в рамках городского проекта должно было быть во благо молодым людям.

Надо отдать должное профессионализму садовников колледжа, которые в мгновение ока превратили бессмысленные замусоренные заросли кустов и небольших деревьев в ухоженные фрагменты сада, подчеркнув красоту каждого растения. Энтузиазм и внутреннее спокойствие, с которым работали садовники и студенты во дворах, окруженные толпой дворовых бездельников, вызывало невольное уважение и к ним, и к организации, которую они представляли.

Но сама организация создала нам много проблем. Поскольку мы работаем на договорной основе, подтверждая и обосновывая все траты банковскими документами, мы полгода оговаривали все условия договора с руководством колледжа. Учили все их требования и пожелания. Просчитав с ними все возмож-

Без помощи детей мы бы не справились





ные риски. В результате договор так и не был подписан, хотя работа в двух дворах была выполнена и оплачена.

Нам пришлось заключать индивидуальный договор с каждым участником проекта – дизайнером, садовниками, создателем оросительной системы и каждым поставщиком растений, садового оборудования, рулонного газона. При этом у нас создалось впечатление, что каждое звено, все поставщики услуг впервые в жизни составляли и подписывали договор – столько понадобилось объяснений и попыток. Мы потратили неоправданно много своего времени!

Выполнение работы по индивидуальным договорам создавало нервную и безответственную обстановку в рабочем процессе. Руководитель колледжа одной рукой отправляла сотрудников и студентов на работу в давно согласованное время, другой рукой – могла не отпустить или отозвать в любой момент. Мы потратили много нервов!

Сады и Дети

Великой радостью для нас стало активное и эмоциональное участие детей в проекте. Мы заявляли участие волонтеров в проекте. Обсуждали гендерные вопросы. Мы предполагали, что в

каждом дворе найдется большая группа молодых мужчин (тем более, что многие не работают), которые примут участие в подготовительных работах и в посадке деревьев. Мы были уверены, что некоторые молодые женщины и девушки с удовольствием будут сажать цветы. Мы также предполагали провести тренинги по садоводству для любых желающих, чтобы они потом ухаживали за мини-парком в своем дворе. Активное участие детей мы не предполагали – лишь в качестве наблюдателей. Один тренинг во дворе на тему «Как создаются парки», второй в парке храма Самеба «Лучший парк Грузии». Все случилось совсем наоборот и к нашему изумлению. Когда надежды на какую-либо помощь во дворе не стало. Кроме одного домкома, никто демонстративно не дотронулся до садового инвентаря. Пришедшие со школы дети, бросили футбольные мячи и схватили лопаты, кирки, тачки. Сначала с опаской, но увидев, что это поощряется, со все возрастающим энтузиазмом. И вскоре уже более десяти детей от семи лет и старше несли растения, сажали в траншеи, возили землю в тачках и засыпали растения.

Тем, для кого предполагали рассказ-экскурсию, было гораздо интереснее работать самим.

В какой-то момент их отцам и остальным взрослым мужчинам во дворе стало неудобно только наблюдать, и они нехотя присоединились к работающим. Конечно, в элементарном – в поливе и подаче растений. Зрелище было и радостным, и одновременно печальным. С одной стороны, сыновья воспитывали своих отцов. И это здорово! С другой стороны, думаешь, что же сломалось в нашей цивилизации? В какой момент заложенное от природы в наших детях созидательное начало исчезает и превращается в потребительство и бездействие взрослых мужчин?

Пилотный проект выявил глубокое недоверие жителей города ко всему, что происходит вокруг. Постоянное ожидание подвоха, ущемления их прав – печальное наследие последних десятилетий! Мы очень надеемся, что реализованный пилотный проект озеленения дворов заставит людей захотеть жить лучше, комфортнее, качественнее. Хорошо известны результаты многолетнего исследования американских ученых: в больницах пациенты, лежавшие в палатах с видом на зеленый массив, выздоравливали быстрее, чем в палатах с видом на серый бетонный город.

Мы все должны выздороветь!



Ходжакули Нарлиев вручил награду Эльдару Шенгелая

«НИКА» – ФИЛЬМУ ЭЛЬДАРА ШЕНГЕЛАЯ

Новый успех грузинского кинематографа – картина народного артиста СССР Эльдара Шенгелая получила Российскую национальную кинематографическую премию «Ника» как лучший фильм стран СНГ, Грузии и Балтии. Она опередила в борьбе за почетный приз ленты «Родные» Виталия Манского (Украина), «Звонок отцу» Серика Апрымова (Казахстан), «Последний день мая» Игоря Кистола (Молдова) и «Кентавр» Актана Абдыкалыкова (Кыргызстан, Франция, Германия, Нидерланды). Примечательно, что за год до получения «Ники» мэтром кино, в 2017-м, приз в этой же номинации был вручен другому грузинскому режиссеру – дебютантке кинематографа

Русудан Глурджидзе за фильм «Чужой дом».

«Кресло» – абсурдная сатирическая трагикомедия. Ее герой, министр Георгий Мchedlishvili после поражения на выборах теряет все: работу, автомобиль и, самое главное, власть. Ожившее кресло тщетно пытается побудить его к действиям. Новое правительство требует, чтобы экс-министр съехал с государственной дачи, жена и свояк устраивают скандал, попадающий в СМИ, дом, окруженный прессой, штурмует полиция. Кресло помогает герою сбежать, но остается открытым вопрос: сможет ли он преодолеть жажду власти?

Авторы сценария фильма Эльдар Шенгелая и Георгий



Кадр из фильма «Кресло»

Цхведиани, оператор – испанец Горка Гомес Андрес, художник – Гоги Микеладзе, композитор – Иосиф Барданашвили. В главной роли Ника Тавадзе. В фильме также снялись Нинели Чанкветадзе, Кети Асатиани, Наталия Джугели, Нана Шония, Вано Гогитидзе, Зука Даржания, Тристан Саларидзе, Виталий Хазарадзе, Мераб Гегечкори и другие.

Премия «Ника» учреждена Российской академией кинематографических искусств в 1988 году. Ее обладателям в каждой номинации вручаются статуэтки крылатой древнегреческой богини Ники, созданные скульптором Сергеем Микульским.



Решающий удар

«...ИМЕННО В ТОТ МОМЕНТ НАДО БЫЛО БИТЬ»

■ **Демико ЛОЛАДЗЕ**

На стадионе «Вилла Парк» в Бирмингеме 19 мая 1999 года закончилась история Кубка обладателей кубков УЕФА (Союза европейских футбольных ассоциаций). В финале последнего 39-го розыгрыша одного из почетнейших трофеев этой организации итальянский «Лацио» победил испанскую «Мальорку» со счетом 2:1. Со следующего сезона клубы-обладатели национальных кубков стали участвовать уже в другом турнире – Кубке УЕФА, ныне Лиге Европы УЕФА. А в 1981-м Кубок обладателей Кубков привезли в Грузию игроки тбилисского «Динамо». В их составе был и один из лучших полузащитников СССР Виталий Дараселия.

На стадионе «Райнштадион» немецкого города Дюссельдорфа, на глазах 9 000 болельщиков, динамовцы переиграли в финальной встрече атлетически подготовленных футболистов «Карл Цейсса» из Иены, ГДР

(2:1). Достоинно поддержав высокий престиж грузинского футбола и достигнув самого высокого успеха за всю его выдающуюся историю. Я счастлив тем, что стал непосредственным свидетелем этой исторической победы – в течение всей игры с фотоаппаратом в руках стоял за немецкими воротами в ожидании того, как вратарь «Карл Цейсса» вынесет из них мячи, забитые нашими ребятами. За три минуты до окончания полного драматизма матча Виталий Дараселия сделал невозможное: сложнейшим слаломом оставил позади нескольких противников и левой ногой забил решающий гол. Самый виртуозный из тех, что я когда-либо видел. Меня обуревало желание выбежать на зеленое поле и обнять человека, которого я не знал и с которым так и не познакомился. «Я почувствовал, что именно в этот момент надо было бить», – потом

скажет великий мастер футбола о лучшем голе в своей короткой жизни, который известный скульптор Элгуджа Амашукели назвал «лучшим и для всех грузин». Такие мячи невозможно забыть! И Грузия не забудет тот счастливый день, вершину славы «Динамо», талантливейшую игру Виталия и его стремление к победе. Кстати, по возвращении в Тбилиси, в аэропорту один болельщик даже бросился Дараселия в ноги...

Виталий родился 9 января 1957 года в Очамчире. С 10 лет занимался легкой атлетикой, хотел стать спринтером, но его судьбу изменила встреча с Бондо Какубава, тренером детской спортивной школы. Команда Дараселия на первенстве очамчирских школ заняла первое место, а сам он, как центральный нападающий, забил больше всех голов. Так парень оказался в центре внимания специалистов и очень скоро попал в детскую команду местного «Амирани», которая с помощью новичка завоевала приз «Кожаный мяч» на первенстве Абхазии, а затем в масштабе республики. В 1974-м году Виталий выступает уже во взрослом составе «Амирани» на первенстве Грузии и в 23 играх забивает 20 мячей. В том же году его приглашают в тбилисское «Динамо».

«В конце футбольного сезона 1974 года была проведена встреча между сборными командами Западной и Восточной Грузии. Целью ее был отбор молодых футболистов для «Динамо». Михаил Якушин и Серго Кутивадзе обратили внимание на нескольких игроков, среди них были Вахтанг Коридзе, Гигла Имнадзе, я. Так началась моя тбилисская одиссея», – говорил Дараселия о переломном моменте в своей жизни. Он с улыбкой вспоминал первую тренировочную игру в «Динамо», когда не мог полностью раскрыться из-за робости перед известными мастерами. Это заметил Якушин и сказал: «Если ты так с ними будешь обходиться, далеко не пойдешь. Играй так, как нужно». Это убрало «синдром почтительности» и на следующих тренировках Виталий в полную силу отрабатывал

свои финты. Конечно, не все сразу получалось, но он шел вперед. Вначале в команде на него поглядывали свысока, он очень переживал это и сказал моему другу Гизо Цинцадзе: «Некоторым не нравится мой стиль игры, но я докажу, что я неплохой футболист». После возвращения из Дюссельдорфа Виталий навестил моего друга и сказал: «Гизо Шалвович, я выполнил свое обещание». Они обнялись.

В основном составе «Динамо» он дебютировал 11 мая 1975 года, заменив травмированного Владимира Гуцаева на месте правого полузащитника в матче чемпионата СССР с ташкентским «Пахтакор». Он очень нервничал, был рад, что во встрече, закончившейся 0:0, не мешал партнерам в игре. А первый свой гол забил 6 мая в 1976-м на тбилисском стадионе «Локомотив» – львовским «Карпатам». Знаменитый в прошлом центральный форвард Заур Калоев так охарактеризовал новичка тбилисского «Динамо»: «Этого юного футболиста отличают не только неутомимость и напористость, но и зрелая игра, стремление не только подыграть, но и самому завершить комбинацию. Гол, позволивший хозяевам повести в счете, делает ему честь. Смело ворвавшись в гущу защитников и, казалось, потеряв мяч, Дараселия не прекратил борьбу, снова завладел мячом и успел пробить в нижний угол».

В 1977 году Нодар Ахалкаци, сменивший на посту главного тренера Якушина, перевел Виталия в полузащитники и не ошибся. На этом месте, под номером 6, Дараселия приносил наибольшую пользу. В первых же играх стало ясно, что в «Динамо» занял достойное место талантливый футболист с большим будущим. От игры к игре росло его мастерство, позволившее взять на себя функцию разыгрывающего в юношеской и молодежной сборной СССР на Чемпионате Европы. Вот что говорил о нем Давид Клиани: «Виталий Дараселия – многосторонний футболист. Технично владеет ударом, обманными движениями и блестяще разби-

рается в ситуациях игры. Когда его нет на поле, сразу же чувствуется его отсутствие, то, какую большую нагрузку он берет на себя».

По моему мнению, большая когорта великих полузащитников тбилисского «Динамо» начинается с Автандила Гогоберидзе. Затем пришли настоящий лидер, сердце и душа команды Шота Яманидзе, самородок, талантливый Георгий Сичинава, самоотверженные борцы за мяч Гурам Петриашвили и Джемал Зеинклишвили, элегантные Кахи Асатиани и Серго Кутивадзе, техничный Манучар Мачаидзе, негибачаемый, фантастически энергичный и работоспособный Тенгиз Сулаквелидзе...

Мне понадобился этот экскурс в историю для того, чтобы показать на какой почве, на каком наследии вырос феномен Дараселия. Не знаю, сколько игр перечисленных футболистов видел Виталий, но в нем сфокусировались все лучшие свойства этих знаменитых игроков. У него практически не было слабого места. С блестящей техникой, с прекрасными физическими данными, видением поля, тактическим мышлением его смело можно называть игроком мирового ранга. Что и проявилось на Чемпионате мира в Испании в 1982 году, где он играл на равных с лучшими футболистами планеты. И еще один штрих к его портрету – несмотря на все свои достижения, он оставался очень скромным.

В последний раз Виталий сыграл в «Динамо» 16 октября 1982 года против московского «Динамо». Соперник нечаянно ударил его ногой в голову, и пришлось некоторое время лечиться в Москве. По возвращении в Тбилиси начал тренироваться, но Ахалкаци оберегал его, до конца сезона не выводил на поле. Говорят, что надежда на возрождение тбилисского «Динамо» связана с именем Виталия. Он должен был стать главным звеном в игре новой команды. Но в 25 лет, в самый расцвет сил и футбольной карьеры, он погиб...

Виталий Дараселия был в составах юношеской и молодежной сборной СССР, выигравших



Виталий Дараселия

нелегкие турниры чемпионатов Европы. Вместе с товарищами по команде завоевал все мыслимые призы советского футбола: золотые, серебряные и бронзовые медали чемпионатов СССР, дважды Кубок СССР. После финала розыгрыша Кубка кубков, в 24 года, стал заслуженным мастером спорта.

Ему, конечно, повезло, что партнерами оказались прекрасные футболисты. Но вовсе не везением я объясняю то, что Дараселия оказался среди лучших из них. Удивительным даром поспевать на поле всюду обладал этот не по годам рассудительный и уверенный в себе молодой человек. К сожалению, он недолго играл в команде, но его вклад в развитие грузинского футбола огромен. Сколько бы он смог еще сделать, если бы был жив! Сегодня трудно сказать, как развивалась бы его футбольная карьера – остался бы в «Динамо» или же украсил один из суперклубов Европы. Но одно ясно: даже, если бы не было других достижений, только за мяч, забитый на «Райнштадионе», имя Виталия Дараселия достойно золотыми буквами быть вписано в историю грузинского футбола.



Шота Канделаки

ЧЕЛОВЕК «МУЗЫКАЛЬНОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ»

■ Владимир ГОЛОВИН

Год назад ушел из жизни светлый, доброжелательный, талантливый человек, которому и в голову не приходило подумать о том, что он был из тех, кого называют представителями народной дипломатии. Он не носил высоких званий и не занимал больших должностей, был далек от политики и не предлагал шумных проектов. Потеряв любимую работу, Шота Канделаки жил нелегкой жизнью тысяч своих соотечественников на переломе двух веков. Дружбу народов не декларировал с официальных трибун, она была естественной частью его жизни. Шота с душой пел украинские, белорусские и русские песни в тбилисском славянском ансамбле «Лилея», который сейчас действует при Международном союзе белорусских соотечественников в Грузии «Сябры», помогал его участникам приобщаться к грузинской музыкальной культуре. А сам приобщался еще и к армянским и еврейским песнопениям. При этом он не был профессиональным исполнителем, он просто любил людей, умел дружить. Можно сказать, что песня помогла ему выжить.

В «Лилее» Канделаки появился случайно. Осенью 2006-

го Юрий Микаберидзе, вместе с которым безработный Шота пел за мизерную плату в хорах Сионского собора и Союза слепых Грузии, привел его во Дворец учащейся молодежи. Там снимался какой-то фильм, и за участие в массовке должны были заплатить. Микаберидзе стоял рядом с руководителем «Лилеи» Ираклием Микеладзе, который вспоминает: «Я негромко рассказывал ему о проблемах «Лилеи», хору нужен был тенор, даже объявление в «Ситхва да сакме» давали. Может, Юрий знает кого-нибудь подходящего? И тут стоящий впереди незнако-

мый человек оборачивается и говорит: «Знаете, я тоже пою, но не тенором, а баритонем. Можно мне прийти к вам на репетицию?» Так Канделаки стал, по признанию участников ансамбля, «его органичной, неотъемлемой частью, его украшением».

По профессии же родившийся в Самтредиа Шота был химиком, окончив Тбилисский госуниверситет имени И.Джавахишвили, работал в лаборатории завода МИОН. Потом это предприятие перестало существовать... В 1990-е годы, которые в Грузии помнят как «плохое время», брался за любую физическую работу, пять лет опекал племянницу-студентку, жившую вместе с ним. Мизерного социального пособия, которое появилось потом, лишился довольно быстро. Его перестали считать нуждающимся после того, как он, накопив денег, посмел заменить прогнившие старые рамы своей квартирки в бывшем общежитии МИОНА. Семью так и не создал – как бы он стал ее содержать? После прихода в «Лилею», не сразу, через несколько лет (мешала природная застенчивость) семью ему заменили друзья и коллеги. Особенно Ираклий Микеладзе с супругой, тоже участницей ансамбля Галиной Колесниченко. Они очень сблизились, тем более что дома у Ираклия и Галины каждое воскресенье проходят репетиции «Лилеи». «Здесь такая домашняя обстановка, работа с ними – огромное

Ш. Канделаки, И. Микеладзе и И. Малько (слева направо)





Репетиция ансамбля «Лилея»



Шота читает свои стихи

удовольствие», – говорил Канделаки.

Когда Шота не стало, соратник по «Лилею» инженер, бард Игорь Малько снял о нем полнометражный документальный фильм, презентованный в «Кавказском доме». Несмотря на то, что после Канделаки остались лишь пара десятков фотографий и чудом сохранившиеся разрозненные видеокдры, картина получилась теплой, искренней, правдивой, она показывает и нелегкую эпоху, в которой жил ее герой. В нее вошли и кадры, снятые Первым каналом Грузинского телевидения для передачи «Итальянский дворик». А главное в этой ленте – свидетельства тех, кто дружил с Шота, пел вместе с ним, просто общался.

Мы узнаем, как Шота стал рядом с нищим у Сионского собора и абсолютно бескорыстно пел своим замечательным баритоном, чтобы подаяние было побольше. Как, побывав в церкви Святого Геворка, решил изучать армянские песнопения. Как в католическом соборе женский хор разучивал «Гапринди, шаво мерцхало» и оказавшийся там Канделаки помог проникнуть в специфику исполнения этой грузинской песни. Как он, под аплодисменты слушателей, читал блестяще переведенные им стихи известной белорусской поэтессы Валентины Поликаниной. Как грузинский романс «Исев шен», благодаря ему, стал одним из лучших в репертуаре «Лилеи». И как часто Канделаки отказывался от участия в застольях, потому что спешил домой, к своим книгам. Авторы фильма показывают нам эти книги на грузинском и русском языках в опустевшей квартирке Шота, где сейчас нашли листы бумаги, с записями, не очень понятными посторонним. Оказывается, Канделаки не успел закончить работу над собственным, универсальным вариантом грузинско-русского словаря. А тетради с его стихами, которые он читал друзьям, пока не найдены.

С особой теплотой к Шота относились в Еврейском культурно-образовательном фонде. Он часто бывал здесь, изучал средневековую еврейскую поэзию, вместе с «Лилеей» испол-



С художником Дж. Вепхвадзе

нял еврейские народные песни. И «Еврейский дом», как в городе называют этот фонд, оказался первой организацией, откликнувшейся на смерть Канделаки – здесь провели большой вечер, посвященный его памяти.

Все, знавшие Шота, говорят: несмотря на то, что он жил в нужде, на вопрос, как дела, отвечал неизменным «Все хорошо!». И всегда был готов прийти на помощь любому. Вспоминают, как он, преодолевая бурное течение вздувшейся от весеннего паводка Куры, спасал оказавшегося в реке товарища. И лишь когда их вытащили случайно проезжавшим мимо подъемным краном, узнал: уцепившись за облицовку набережной, он удерживал на поверхности уже мертвого... Да и сам он ушел из жизни, когда помогал другу грузить в кузов машины мешки с цементом и песком. В конце работы почувствовал жжение в груди, ему измерили давление и ужаснулись: 300 на 160! Срочно вызвали «скорую». В ожидании ее, Шота решил переодеться, он не мог позволить себе предстать перед посторонними людьми в грязной одежде. Нагнулся завязать шнурки и упал...

Без Шота Канделаки «Лилея» уже никогда не будет прежней, признают его друзья и коллеги. Им очень не хватает человека, «излучавшего столько жизненной энергии», человека, который, по их словам, был «музыкальной национальностью».



Созидатели от «Палиашвили»

■ Теймураз АБАШИДЗЕ

Тбилисский государственный театр оперы и балета имени З. Палиашвили имел огромный авторитет на всем пространстве Советского Союза. Этот авторитет создавался разными поколениями композиторов, дирижеров, артистов, художников, которые часто «экспортировались» в другие известные театры, а некоторые попадали даже в Большой театр – например, Александр Мелик-Пашаев и Одиссей Димитриадзе были главными дирижерами «Большо-

шого оркестра». Иосиф (Беба) Туманишвили работал там же главным режиссером, Дмитрий Мchedlidze был директором – управляющим оперной труппы, Солико Вирсаладзе – художником самых известных спектаклей «Большого» балета, а ведущими оперными солистами разных периодов – Давид Бадридзе, Ираклий Гамрекели, Зураб Анджапаридзе, Зураб Соткилава, Маквала Касрашвили.

В этом «супер-звездном» списке надо особо отметить

двух «революционеров» балета – Вахтанга Чабукиани (премьера знаменитого Ленинградского Кировского театра – сейчас Мариинки) и Николая Цискаридзе. Так что театр имени Захария Палиашвили по праву мог считаться интересным и разносторонним творческим «организмом» с богатыми театральными и музыкальными традициями, достойным репертуаром, укомплектованным солистами высочайшего уровня.

Я неоднократно отмечал, что «Палиашвили» в период творческой активности Вахтанга Чабукиани был театром не «оперы и балета», а «балета и оперы», т.к. все ставшие классикой грузинские балеты – «Сердце гор», «Горда», «Синатле», «Отелло», «Демон» сочинялись, ставились и на выдающемся уровне исполнялись одним человеком – Вахтангом Михайловичем. Хочу так же особо подчеркнуть, что Он был не просто выдающимся хореографом, балетмейстером – Чабукиани был создателем, личностью, творцом, аккумулирующим возможности и умения других. Только он мог привезти из Баку начинающую балерину Веру Цигнадзе и сделать из нее первоклассную исполнительницу звездных балетных партий, а из грузинского танцовщика Зураба Кикалеишвили создать незабываемых Яго и Давриша. Чабукиани не помогал никто и никогда, он помогал – всегда и всем.

После его изгнания театр «балета и оперы» снова стал театром «оперы и балета»...

Дмитрий Мchedlidze, известнейший оперный деятель советского периода, муж великой оперной певицы – Веры Давыдовой, воспитавшей Маквалу Касрашвили, супер-звезду Большого театра, за время своего директорства вывел на большую сцену целое поколение выдающихся грузинских исполнителей – Зураба Анджапаридзе, Нодара Андгуладзе, Зураба Соткилава, Цисану Татишвили, Медею Амиранашвили, Ламару Чкония, Тенгиза Муш-



Могила Вахтанга Чабукиани в Мтацминдском пантеоне

кудиани, Резо Какабадзе, Бичуну Шушания, которые десятки лет озаряли оперную сцену в Тбилиси, в СССР и за границей. Зурико Анджапаридзе как-то рассказал мне, что Дмитрий Семенович, не имея вакансий для оперных солистов, оформил его в штат на должность пожарника и Зураб два года, числясь «пожарником», исполнял все главные теноровые партии репертуара.

Когда Тбилисский оперный театр сгорел и амбициозный, авторитетный коллектив был вынужден ютиться в совершенно некомфортных условиях сабурталинского «Дома профсо-

юзов», старшие чувствовали, что не сумеют вернуться в обновленный театр в полноценной творческой форме, а молодежь нервничала по поводу затянувшегося начала вокальной карьеры. Эта общая нервозность создавала в коллективе такую напряженность, что простейшие события, которые в обычной ситуации никто бы не заметил, вызывали неадекватные реакции – эмоциональные взрывы, конфликты. И в этой тяжелой обстановке своей доброжелательностью, мягкостью, умением разрядить обстановку, уgomонить агрессию, успокоить людей проявился другой замечательный директор и руково-

дитель – прекрасный человек и музыкант Ираклий Георгиевич Беридзе.

Когда реконструкция здания оперы заканчивалась, в новом, но еще незавершенном зрительном зале архитекторы и строители назначили «акустическую пробу». И весь огромный коллектив театра, собравшись в еще пустом партере и сидя на расстеленных на полу газетах, слушал знаменитый дуэт Туриду и Сантуцы из оперы Масканы «Сельская честь» в восхитительном исполнении Нодара Андгуладзе и Цисаны Татишвили в сопровождении оркестра. В те минуты все почувствовали: «Мы вернулись! Театр оперы и балета имени Захария Палиашвили восстановлен!».

Зураб Анджапаридзе (1928-1997) всегда был настолько доброжелательным, улыбчивым, остроумным и словоохотливым, что весь театр от «мала до велика», от директора до рабочего сцены считали его «своим близким»; все называли – «Зурико», несмотря на то, что он владел многочисленными, какие только возможны были тогда, титулами и наградами. Это был артист невероятного обаяния, огромного врожденного вокального мастерства и природной музыкальности. На мой взгляд, такого уровня исполнителя романтических партий в грузинском оперном искусстве не было и нет. Зураб был носителем универсальных возможностей оперного артиста и создал прекрасные интерпретации классических оперных партий, которые остались эталоном для многих поколений вокалистов. Таков его Миндия из одноименной оперы Отара Тактакишвили, Германн из «Пиковой дамы», Абессалом. Анджапаридзе пел не горлом, а сердцем, его вокал был настолько естественен, легок, что, казалось, рождается без малейших усилий. Он исполнял сложнейшие партии так, словно беседовал со слушателем, настолько интимными, проникновенными были его интонации и выстроенные им му-



Вахтанг Чабукиани и Вера Цигнадзе

зыкальные фразы. Плюс к этому певец обладал прекрасной сценической внешностью и очень естественной, мужественной манерой актерского исполнения; Зураб всегда был в театре популярнейшей фигурой, дружелюбным товарищем и коллегой. Когда я надолго уезжал работать за границу, то кафедру музыкального театра и эстрады в театральном институте, после долгих уговоров, передал ему, и Анджапаридзе руководил ею до самой своей трагической, безвременной кончины.

«Пиковая дама» Чайковского в оперном репертуаре считается одной из сложнейших, только коллективы очень высокого уровня берутся за ее постановку. Тбилисская опера, располагая выдающимся Германном – Зурабом Анджапаридзе, а также – Цисаной Татишвили, Резо Какабадзе, Петре Амиранашвили, и таким дирижером, как Гиви Азмаипарашвили, легко могла позволить себе приступить к постановке «Пиковой дамы»; художником был назначен Гоги Гуния, а режиссерами – Гизо Жордания и

я. Но в самом начале работы Гизо пригласили в Дрезден на постановку «Миндия» Отара Тактакишвили, и ему пришлось надолго уехать в Германию, а мне – репетировать. Работать с таким составом было легко и приятно, вокально спектакль получился выдающимся, постановочно также выглядел интересно, нестандартно, поэтому все мы ожидали и успеха, и похвалы в прессе, но...

В 1976 году для открытия нового здания парижской Grand Opera постановкой «Пиковой дамы» был приглашен режиссер Юрий Любимов, руководитель знаменитого Московского театра на Таганке, который для своего «модерн»-спектакля решил сделать новую «модерн-оркестровку» и поручил эту работу «модерн-композитору» Альфреду Шнитке. А главный дирижер Мариинского (Кировского) театра Юрий Темирканов, побывав на этом парижском спектакле, разразился огромной критической статьей в «Советской культуре», где защищал высокую классику от «глумления». Был он прав или нет, в данном

случае неважно, а важно то, что факт «глумления над классикой» стал широко и сурово обсуждаться и осуждаться везде и повсеместно, в том числе и в Тбилиси, в результате чего тогдашний министр культуры Грузии Отар Тактакишвили, в общем, человек вполне передовой и компетентный, после «специального» просмотра, запретил спектакль для показа зрителю; а жаль, он был действительно интересный; музыкально и вокально просто выда-

Зураб Кикалеишвили





Зурба Анджапаридзе

ющийся, а постановочно – обогнавший время, сегодняшний.

Мало кто помнит и знает, но партия Розины в «Севильском цирюльнике» Россини изначально была написана не для колоратурного сопрано, а для меццо-сопрано, но «меццо», из-за очень большой исполнительской сложности, «передоверили» эту партию колоратурам. И в наше время первоначальная «меццосопрановость» Розин почти полностью забыта. Поэтому мы с дирижером Тамазом Джапаридзе, приступая к постановке этой оперы, решили вернуть к жизни авторский первоисточник и назначили на эту роль прекрасную артистку меццо-сопрано – Тамару Гургенидзе, стремясь вернуть звучание забытого россиниевского первоисточника. Правда, параллельно готовили и колоратурных исполнительниц Нателу Тугуши и Ламару Чкония. В этой же постановке получили «боевое крещение» тогда молодые, начинающие, а ныне известные и знаменитые Паата Бурчуладзе (Дон Базилио) и Темури Гугушвили (граф Альмавива). Эта постановка очень долго держалась в репертуаре театра, но мне хотелось бы особо отметить Розину – Ламару Чкония, так как с ней связан один очень интересный театральный эпизод.

Весной 1969 года меня вызвал министр культуры Отар Васильевич Тактакишвили и

сказал: «Темо, ты должен нас выручить и срочно поставить «Поцелуй Чаниты» в музыкальном театре. Они впервые едут на гастроли в Москву, а советской классикой я недоволен, их спектакль давно поставлен и немножко устарел. Сделай новый». Дискутировать с Отаром Васильевичем всегда было делом безнадежным, а браться за постановку в такой короткий срок, тем более для первых московских гастролей, мне не очень-то хотелось, поэтому я решил поставить такие условия, которые выполнить будет практически невозможно. Чтобы хотя бы частично облегчить мою личную ответственность. «Если мы хотим получить гала-спектакль, – сказал я, – нужна суперзвезда – Чанита. Очень подошла бы Ламара Чкония, но она не согласится, а так...». Я был уверен, что министр удивится или разозлится, одним словом, откажет, но он вдруг просиял, заулыбался, «Прекрасно», – говорит, – я договорюсь... И договорился! Ламара пришла в театр имени Васо Абашидзе, приступила к работе с концертмейстером, регулярно ходила на репетиции. Вообще, я должен сказать, она не была похожа на капризных «примадонн» того времени, оказалась очень дисциплинированным, творческим человеком, профессионалом. Вместе с ней Чаниту играла примадонна оперетты



Ламара Чкония

Женичка Гурашвили, с которой они на гастролях в Москве выступали в очередь.

Мои постановочные проблемы усугублялись тем, что Чанита не только певица, но и уличная танцовщица, а обучить оперную примадонну одновременно и петь, и танцевать, причем за такой короткий срок, было практически невозможно, так что пришлось изобрести «ручную тележку», в которой бродячие студенты возят свой скарб. И когда Чанита – Ламара пела, стоя на этой «подвижной сцене», вокруг которой пели и плясали огромный хор и балет, ее интересная внешность и прекрасный вокал воспринимались замечательно. Гастроли тбилисского театра проходили в помещении МХАТ. После спектакля меня познакомили с драматургом – классиком советской оперетты Евгением Шатуновским, который был слепым – по этой причине он надиктовывал свои пьесы. Он обнял меня и сказал: «Как я счастлив, что услышал такую Чаниту, и какое несчастье, что ее не успел услышать автор, композитор Юрий Милютин!»



Манана Кобахидзе

«СТАРАЮСЬ ИДТИ ВПЕРЕД»

■ Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

29 апреля, 6, 13, 20 и 27 мая на сцене Тбилисского русского театра им. Грибоедова пройдут премьерные показы музыкальной сказки «Красная Шапочка». Историю Красной Шапочки, когда-то рассказанную сперва Шарлем Перро, а потом братьями Гримм, все, наверное, помнят с самого детства. А вот какой ее увидят зрители в постановке режиссера Вахтанга Николава – пока секрет, который мы не будем раскрывать раньше времени.

Сценографом спектакля «Красная Шапочка» стала Манана Кобахидзе – молодая художница, уже успевшая получить признание профессионалов.

Манана – не только смелый художник, но и человек, который не боится бесстрашно выражать свои убеждения и суждения, какими бы резкими они ни казались. Судите сами.

– Давно ли вы рисуете?

– Рисую, сколько себя помню. Правда, мама (художник Наталья Кобахидзе – Е.Г.) всегда меня поправляла: это не так, это не верно, все должно быть по правилам! А эти правила мне не были понятны. В 16 лет я решила отложить свое увлечение и поступила в университет Таварткиладзе на факультет маркетинга. Затем наш университет был присоединен к ТГУ, «маркетинг» заменили на «бизнес». Перешла на факультет финансов, доучилась, получила «красный диплом». А потом снова начала рисовать, чему очень обрадовалась мама и стала всячески помогать серьезно готовиться к поступлению в Академию искусств. И поступила.

– Учиться в Академии было интересно? Кто из педагогов вам особенно запомнился?

– Скажу откровенно – не все

лектора были на высоте. Некоторые являются представителями старой школы, которых не интересуют новые знания, новые технологии и тенденции. Такие педагоги из года в год повторяются, никак не могут открыть для себя новые горизонты. Они очень консервативны. Это проблема, ведь в Грузии всего лишь одна Академия искусств. Правда, недавно открылась школа дизайна VADS Ирины Попиашвили. И если в Академии учат технике по старым меркам, и, окончив ее, выпускник попросту владеет начальными основами, то в Школе учат мыслить концептуально, выражать свои мысли, используя любую технику и технологию – будь то скульптура, медиа, арт или рисунок, учат, как стать мастером. Я с этим не согласна, такого не бывает. Если ты что-то делаешь, то это надо делать профессионально. На сегодняшний день слишком много людей, которые берутся за кисть или карандаш. Понимаете, хотеть что-то сделать и делать с хорошим результатом – это разные вещи. Увы, реальность такова: кто-то что-то нарисовал, друзья похвалили, рас-





Snor

сказали другим друзьям – вот и пошла слава.

– Где же тогда учиться будущим художникам?

– Это же очевидно. Чтобы научиться чему-то новому, нужны новые учителя, новые школы. К нам редко кто приезжает, а если и проводятся мастер-классы, то они краткосрочные, а для овладения определенными навыками необходимо много времени, труда, усидчивости. Я не хочу оставаться в статичном искусстве – поэтому училась у Гоги Алекси-Месхишвили в его школе-студии. Он требовал работать вдумчиво: делая инсталляцию на определенную тему, нужно было, во-первых, владеть информацией и, во-вторых, знать, что ты хочешь сказать своей работой. Он заставлял много раз переделывать работу – до тех пор, пока не видел нужного результата. Батони Гоги учит своих студийцев выражать собственное мнение, свое видение проблемы.

– У вас уже есть опыт работы сценографом. Как вы думаете, есть ли какие-нибудь ограничения в этой области?

– Я, к примеру, очень люблю желтый цвет – он теплый и приносит радость. В своих иллюстрациях часто использую яркие неоновые цвета. Но в сценографии твои личные вкусы и предпочтения не важны, тут нужно создать атмосферу, в которой будут раскрываться задуманные режиссером характеры персонажей.

– Расскажите про вашу работу над спектаклем «Красная Шапочка».

– Это мой второй опыт сотрудничества с театром Грибоедова и режиссером Вахтангом Николава. В прошлом году мне довелось создавать декорации и костюмы для музыкального представления «Путешествие в страну чудес» в постановке Вахтанга. Ему понравился стиль, в котором я рисую, вот и решили продолжить сотрудни-

чество. Ну что вам рассказать про «Красную Шапочку»? Мы сели втроем – Вахо Николава, Ната Кобахидзе и я, и начали обсуждать: какая это эпоха, какой жанр – сказка или нечто другое... Вы же знаете, что в свое время Шарль Перро литературно обработал народный сюжет, придав ему свое видение – свою мораль. А столетие спустя братья Гримм написали свой вариант сказки, у которой хороший конец, и все дети ее знают и любят. А что будет в нашем спектакле, я не расскажу – 29 апреля состоится премьера, и вы все увидите сами!

– Какие у вас планы на будущее?

– Я freelancer, свободный художник, работаю в разных сферах – делаю обложки и иллюстрации для книг, плакаты, занимаюсь графическим дизайном, сценографией, рисую, слушаю мастер-классы и стараюсь идти вперед.



МАЛЬЧИК НА ФОНЕ ДЕРЕВА. ДЕТАЛЬ

■ **Николай ШАХБАЗОВ**

Николай Григорьевич Шахбазов родился 9 февраля 1919 года в Тбилиси. В 1938 году, переехав в Москву, поступил в Литературный институт имени А.М. Горького, который окончил в 1941 году, после демобилизации из Советской Армии. Работал литсотрудником в редакциях многих газет, был редактором Главреперткома, заведовал литературной частью в театрах, занимался переводами.

В 1965 году в издательстве «Советская Россия» вышел первый сборник рассказов «Лето прошлого года», в 1971 году в том же издательстве – «Синие горы». Печатался в периодических изданиях.

ПОВЕСТЬ

...а может, фазан все-таки был, и не врет легенда, что он, сраженный, упал в горячий источник, бьющий из-под земли? Может, действительно царь сказал тогда, что на этом месте будет строить город? Может, и впрямь начал расти город отсюда – от бань, воздвигнутых над источниками?

Неумолчно льется вода, падает на камень. Падает вода на камень, льется. Лишь глубокие борозды – многовековая работа

слез, стекающих по мрамору, – напоминают, что шумит время.

В марте на деревьях распустились почки, но уже в феврале зима была на исходе. Сирень сменила мимозу, сирень цвела буйно и размашисто, в небе временами грохотали грозы.

Я заметил отца еще издали, когда он появился в конце аллеи, это, видимо, было на даче – раз мне запомнилась аллея; он нес

арбуз, и тени скользили снизу вверх по парусиновым брюкам, подпоясанным ремешком, по рубашке-апаш. Так назывались рубашки с короткими рукавами и с широким отложным воротником. Он нес арбуз, держа его у плеча, на запрокинутой ладони.

Следовало пересечь Пушкинскую, миновать Публичную библиотеку, идти по Кецховели, через Александровский сад, далее по Дзnelадзе до Водовозной. Школа находилась на Водовозной – угол Броссе, до нее можно было добраться и через Солдатский базар, мимо Воронцовского моста, по Набережной. Чего ради меня отдали в такую далекую школу, а не в сорок третью на Бебутовской, – неизвестно. Скорее всего потому, что сорок третья считалась привилегированной и родители опасались, что меня туда не примут. В этом здании с мраморными лестницами преподавали лучшие педагоги города, именитые семьи именно туда определяли своих детей... В тридцатых годах нашу школу заполонили дети военнослужащих, и Закавказский военный округ принял над ней шефство – таким образом и наша школа, в каком-то смысле, стала привилегированной.

Я до сих пор довольно туманно представляю себе, кто

такой Броссе и почему его именем названа улица.

Первому классу предшествовал подготовительный, и в шесть лет я стал учеником подготовительного класса. В первый день, как только меня приняли, я влюбился. У нее были толстые, как у куклы, ноги и взгляд царевны. Так, из-под ресниц, могла смотреть только царевна. Голову ее венчал огромный бант, затянутый так туго, что пучок волос над ним напоминал метелку. На групповом снимке, который у меня хранится, лицо мое выражает крайнее недовольство и печаль. Я хорошо помню причину моего недовольства. Когда нас выстроили перед фотоаппаратом, я не замедлил занять место рядом с объектом моих вздыханий, но фотограф, руководствуясь высшими законами искусства, велел мне перейти в другой ряд. Я вынужден был подчиниться, но уже скрыть огорчение было выше моих сил. Снимок этот датирован двадцать шестым годом; вот почему я утверждаю, что впервые влюбился именно в подготовительном классе.



...через девятнадцать лет я на ней женился, мы прожили два года и разошлись.

Впрочем, тогда были не классы, а группы.

Все годы, что учился, я ходил в школу в первую смену и не было случая, чтобы, вылезая из постели, не позавидовал тем,



кто учится во второй или не учится вовсе. Особенно тяжело приходилось зимой. За окном сыро и пасмурно, слякотно, в пред-рассветной мгле на одинокой ветке сидит одинокая ворона, и так не хочется вылезать из постели, шагать в школу! Все еще с закрытыми глазами я натягиваю чулки, кое-как застегиваю рубашку, что-то бормочу – сетую на судьбу. На улице холод через воротник проникает за спину; я плетусь, ташу в руке портфель, в котором учебники, тетради, пенал, чернильница-неразливка (по задумке, чернила из нее не должны выливаться – как бы не так!), и успокаиваю себя мыслью, что в конце Серебряной меня ожидает маленькое чудо. Там, в самом конце Серебряной, на углу Пушкинской, в подвале, единственное окно которого наполовину выступает над тротуаром, помещается пекарня. Я задерживаюсь и заглядываю в окно, – обнаженные

по пояс рослые парии весело и ловко ныряют вниз головой в раскаленную пасть печи, застывают вертикально и, прилепнув тесто к покато глинобитной стенке, мгновенно, как солдатики, вновь становятся на ноги. Я смотрю в окно, как в сказку. За стеклом, в двух шагах от объившего меня холода, празднично горит электричество, и пышет

жаром, и парни беззаботно смеются, обмахиваясь передником; они извлекают из печи круглые плоские хлеба, подцепив их шестом с крючком на конце... Минуту-другую я стою над пекарней, обдаваемый снизу волнами теплого воздуха и запахом горячего хлеба, и, кажется, даже на какую-то секунду успеваю вздремнуть.

Классы были переименованы в группы потому, что воскрешали в памяти принадлежащую отошедшей эпохе гимназию. Старый мир должен был быть разрушен до основания, у нас, маленьких Робеспьеров, кружилась голова и захватывало дух, когда старшие, беседуя, произносили словосочетания вроде «диктатура пролетариата» или «революционный трибунал».

...теперь уже нет ни того угла, ни той пекарни.



На кухне в печке жарко пылают поленья, там бабушка возится с тестом, взбивает яйца, оттуда тянет ванилью и корицей, уже кипит самовар, и мама с легким треском распахивает накрахмаленную скатерть, ставит на стол чашки, тарелки, серебряную сахарницу с кусками белоснежного колотого рафинада. Я лежу с закрытыми глазами, хотя и не сплю, и знаю наперед – мама с минуты на минуту войдет в комнату и скажет: «Пора вставать». Мама входит в комнату и говорит: «Выглянь-ка в окно». Я догадываюсь, что означают ее слова, мгновенно вскакиваю и, полуголый, бегу к окну, откидываю штору и чуть более преувеличенно, чем следует, вскрикиваю от изумления. И действительно, есть от чего прийти в изумление. Все вокруг белым-бело; крыши домов, деревья, наш двор, ограда двора, балконы соседей – все запорошено снегом, шапочка снега сидит даже на черной точке единственного ореха, которому непонятно каким образом удалось до самой зимы уцелеть на ветке. Первый снег! Еще вчера вечером ветер противно

завывал в водосточной трубе, и, засыпая, ты думал, что так будет продолжаться вечно, а наутро, как в передвижной картинке, все за окном преобразилось, застыв в праздничном убранстве. Стоило лишь смежить веки и вновь открыть их. И это тоже было одним из маленьких чудес детства.

В обычные дни продукты покупала мама – в магазинах или у разносчиков овощей, но по воскресеньям за продуктами отправлялся отец, и ходил он не по магазинам, а на рынок, и то, что он приносил, называлось не продуктами, а провизией. Я очень любил воскресные возвращения отца с рынка. Из плетеной корзины перекладывались в огромный эмалированный таз охапки свежей зелени, пучки редиски, помидоры, баклажаны – отборные, без изъяна, влажно-яркие, будто омытые утренней росой, и, конечно же, фрукты, в зависимости от сезона, персики или сливы, гранаты, айва, инжир или черешня. Порывшись в кулке, я вылавливал две черешины, спаренные рогаточкой, немедленно

насаживал их себе на ухо.

Бывало, отец приносил с рынка живую курицу.

Живая курица покупалась в случаях особых – в канун какого-либо праздника или торжества. Никто в семье резать курицу не умел, маме каждый раз с этим делом приходилось обращаться к дяде Багдасару.

Дядя Багдасар был великим мастером по части резания кур. Всех кур, что покупали жильцы нашего дома, резал только он. Казнь производилась во дворе, у водонапорной колонки. Мы, дети, с жестоким любопытством наблюдали за этой процедурой. Поточив нож, дядя Багдасар укладывал курицу на край стока и, легонько придерживая одной ногой вывернутые крылья, другой – лапки, вытягивал ей шею и быстрым коротким движением отсекал голову. Курица не успевала опомниться, как ее голова с моргающими веками отлетала в сторону. Дядя Багдасар продолжал стоять над курицей до тех пор, пока не замирали предсмертные судороги. Если обезглавленную тушку отпустить раньше времени, она, разбрызгивая кровь, начнет кувыряться



по всему двору. Те, что были по-неопытней, так и поступали. Про таких людей дядя Багдасар говорил, что они не любят птицу и лишены чувства жалости.

Когда я вспоминаю детство, в моем воображении прежде всего возникают пять деревьев нашего двора. Два из них были тутовыми. Ягоды туты созревают быстро, и век их недолог. Если не успеешь полакомиться в мае, придется ждать до будущей весны.

Прохладную, спелую туту едят ранним утром – поштучно или пригоршнями вместе с коротеньким мясистым стерженьком, на котором она держится на ветке. Разумеется, мы ее не мыли. Тутовое дерево следует трясти изо всех сил, тогда крупные, как желуди, ягоды градом посыпятся на землю. Мы подбирали их с земли и, дунув, отправляли в рот.

Тута бывает двух видов – белая и красная. Красная тута, или хар-тута, по форме не отличается от белой, но вкус у них – разный. Красная тута по терпкости и сладковато-кислому вкусу напоминает ежевику. Сравнение это приблизительно, но какое-то представление о красной туте оно все же дает. Что же касается туты белой, тут, я полагаю, ничего не остается, как развести руками. Вкус белой туты не похож ни на что, он похож только на вкус белой туты.

Я уже был далеко не молодым человеком, когда умерла мама. И тем не менее я почувствовал себя взрослым окончательно тогда, когда ее не стало. Последние ее дни были столь мучительны, что смерть представлялась желанным избавлением от страданий. Она лежала на кровати, выдвинутой на середину комнаты, и, глядя уже из своего беспомыслия, никого не узнавала, не узнала и меня, примчавшегося в родной дом тотчас же по получении телеграммы. Только в последнюю минуту взгляд ее просветлел и глаза увлажнились, она даже попыталась что-то сказать, но не смогла, и слеза, выступившая у края глаза, задрожав, медленно поползла к виску. И



прекратилось наконец в ее груди клокотание, слышать которое не было никаких сил.

Ее похоронили на пятый день, и все пять дней двери на лестничную площадку, были распахнуты, в квартире толклись родственники, соседи, сослуживцы отца, знакомые, – о существовании многих из них я не подозревал и впоследствии больше их никогда не видел, – и каждый, стараясь услужить, что-то советовал, куда-то убегал и возвращался, по вечерам четверо оркестрантов, придавая своим лицам выражение скорби, выводили на инструментах восточные мелодии, а мама лежала в гробу, обитом черно-красной материей, – чужая и отрешенная от всей этой суеты и ненужности.

В детстве мне казалось, что родители мои бессмертны, как боги.

Я ни в чем не был виновен перед мамой, во всяком случае огорчения, какие я ей доставлял, были огорчениями, какие доставляют все дети своим родителям, не более, и все же, когда она умерла, я испытал острое чувство вины перед ней. Вспоминались какие-то пустяки, стакан молока, который она просила меня выпить и который я так и не выпил, кашне, которым я отказался обмотать шею, думал я и о том, что, находясь далеко, в другом городе, мог

бы писать ей длинные письма, какие писали в старину, а не ограничиваться телефонными звонками. Это чувство позднего раскаяния преследовало меня долго и после похорон, многие годы.

Всепоглощающим и неистребимым увлечением моего детства было коллекционирование лент. Лентами назывались кусочки расчлененной на кадры киноплёнки. Особо ценились так называемые головки – лицо актера крупным планом, и цветные кадры. Это не были кадры цветного кино в современном понимании, а всего лишь кадры, снятые на пленку с синей или желтой эмульсией – в зависимости от того, происходило ли действие лунной ночью или в солнечный полдень. Ленты мы покупали на черном рынке, за Мухранским мостом. Проекционные киноаппараты той эпохи были несовершенны, пленка то и дело рвалась, и пока мы топтали ногами и кричали: «Сапожник!», киномеханик склеивал пленку имеющимся под рукой ацетоном, предварительно отняв ножницами изрядное количество кадров с обеих сторон обрыва. Эти кадры и поставлялись на черный рынок.

Ленты мы не только коллекционировали, но и играли в них. Принцип игры в ленты несложен – лента, посланная с ладони ударом об край стола, должна накрыть ленту, находящуюся в



поле. Трудность заключается в том, чтобы соразмерить силу удара с расстоянием, на каком лента находится. За игрой в ленты мы проводили столько времени, что на приготовление уроков его попросту не оставалось.

На двух магистральных проспектах, Головинском и Михайловском, были расположены шесть крупнейших кинотеатров города – «Миньон», «Арфасто», «Солейль» и «Дарбази», «Палас», «Аполло». Они показывали фильмы первым экраном, плата за вход была намного выше, чем в клубах. Наиболее фешенебельным из них считался «Палас». Просторное фойе, увеличенное системой зеркал, манило и пугало своей таинственностью. В глубине на круглой, как барабан, подсвеченной эстраде перед сеансом играл оркестр и певица в платье выше колен и с приколотой у бедра матерчатой хризантемой исполняла городские романсы; по ее шелковым чулкам спиралью бежал свет. В зрительном зале со стен томно взирали на respectable публику звезды мирового кино.

Нам, мальчишкам, больше по душе был «Миньон». Он на-

ходился на правом берегу Куры, в начале Бярятинского спуска, в подвале углового дома, именуемого Совпрофом. Тут не было ни зеркал, ни оркестра и в буфете продавались не дорогостоящие бонбоньерки с изображением красавиц с распущенными волосами, а доступные нам мятные леденцы, от которых рту сразу становилось прохладно. Билетерши «Миньона» многих из нас знали в лицо и в тех случаях, когда зрителей бывало мало, разрешали оставаться на второй сеанс.

....что же касается звезд мирового кино, то они имелись и в «Миньоне», и смотрели из своих овальных лепных виньеток не менее томно.

Я был уверен, что «Арфасто» – это какое-то иностранное слово, схожее по звучанию, скажем, с мефисто. Через много лет я узнал, что арфасто не что иное, как аббревиатура. В начале века дом, в котором помещался кинотеатр, был приобретен (или построен?) известным армянским миллионером-меценатом. В честь своих детей он дал кинотеатру название, составленное из начальных букв

их имен: АРам, ФАддей, СТе-пан, Ольга.

Но чаще всего я бегал в Клуб кожевенников. Он представлял собой одну большую комнату, в которую можно было шагнуть прямо с улицы. Сюда после работы приходили мастеровые с Армянского базара – поиграть в шашки или домино, а то и, разложив на газете закуску, распить бутылку вина. В свои рассказы они вставляли крепкие словечки, приводившие нас в восторг, и в знак одобрения толкали друг друга в плечо. Здесь пахло красками и дубленой кожей, и здесь все были равны. Достаточно сказать, что нам, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, разрешалось смотреть любые фильмы.

– Кем ты станешь, сынок? – обращался ко мне кто-либо из мастеровых.

– Кожевником, – не задумываясь отвечал я.

– Молодец, – говорил он и толкал меня в плечо.

Здесь, в Клубе кожевенников, я уже в раннем возрасте уразумел, что демократия – весьма привлекательная штука.

Два раза в неделю столики отодвигались к стене, из лавок составлялись ряды, и комната, именуемая Клубом кожевенников, превращалась в зрительный зал. Зрителями были все те же кожевники и мы, мальчишки. Старый маэстро с длинными, как у Листа, до плеч волосами и с черным бантом на груди садился за пианино фирмы «Оффенбахер» с вырванными канделябрами и, выбросив вперед руки в грязных манжетах, начинал извлекать из клавиш, большая часть которых западала, свою универсальную музыку. О, стремительные пассажи и рыдающие аккорды в темноте, и стрекот киноаппарата за спиной, и пылинки, попавшие в сноп света, пересекающий зал!

Какие только фильмы я не видел в этом зале! Многосерийные и короткометражные, игровые и хроникальные, бытовые и экзотические, комедии, мелодрамы и фильмы ужасов. Прыгал с крыши вагона, спасаясь от погони, Гарри Пиль, душил

очередную жертву похोдивший на кобру Конрад Вейдт, простив любовнику измену и приняв яд, умирала, мерцая ресницами, Глория Свенсон.

...а может быть, не Глория Свенсон, а Норма Толмедж, или даже Франческа Бертини.

Но я немного хитрил, когда говорил, что стану кожевенником. Я мечтал стать шофером.

В конце мая в иные годы устанавливалась такая жаркая погода, что нас, учеников младших групп, распускали на каникулы раньше срока. Прослышав, что предполагается нас распустить, мы делали вид, что изнываем от жары, прямо-таки подышаем от нее. Но и в самом деле было очень жарко. Теперь такой невыносимой жары не бывает; во всяком случае я этого не слышу, чтобы из-за жары в школах прекращались занятия. И так, наступала пора летних каникул, и все готовились к отъезду.

Мама еще зимой не раз говорила отцу, что следует подумать о лете. Вообще она считала, что обо всем следует подумать заранее. «То, что можно сделать сегодня, не следует откладывать на завтра». Эту фразу она повторяла так часто, что мне начинало казаться, будто человек, откладывающий на завтра то, что можно сделать сегодня, и впрямь никогда не принесет обществу никакой пользы. На предложение мамы подумать о лете отец неизменно отвечал, что согласен на любой вариант. С приближением лета грандиозные мамини планы становились скромнее, и в конце концов возможными вариантами оказывались Коджори, Манглиси, Кикети – дачные места близ Тбилиси, Цагвери, ну, еще Боржоми. Выбор чаще всего падал на Коджори. До Коджори было километров двадцать, и отец мог приезжать к нам на воскресенье.

Переезду на дачу предшествовали сборы. Из чулана выволакивались чемоданы, корзины, хурджины, мафраш – огромный ковровый баул, в них постепенно укладывалось все,

что было необходимо для нормальной жизни, а необходимо было многое: постельное белье, тюфяки, посуда – столовая и чайная, – керосинка, мясорубка и сковородки. В назначенный день, на рассвете, за нами приезжал восьмицилиндровый «Мерседес-Бенц» с открытым верхом – кабриолет, вся семья, заслышав звуки сигнального рожка, пронзительно чистые в предутренний час, бросалась к вещам, и хотя было оговорено, кому что надлежит брать, каждый хватал что придется и тащил на улицу. Пока мы грузились, шофер, похожий на марсианина, в поднятых на шлем больших очках, в перчатках с расструбами и в клетчатых галифе, заправленных в краги, прогуливался перед машиной. Мама, боясь, что я выпаду по дороге за борт, настаивала, чтобы я сел между нею и бабушкой, а я каянучил не соглашаясь, пока отец не прикрикивал, требуя, чтобы я угомонился и прекратил пререкания. Когда страсти утихали и мама в последний раз пересчитывала чемоданы и корзины, и отец водружал нам на колени оставшиеся непристроенными узлы и пакеты, – шофер садился

за руль, опускал очки на лицо и взмахивал перчаткой. Его помощник несколькими оборотами коленчатого ключа запускал мотор, спешно занимал свое место – рядом с шофером, и наша машина с привязанным к багажнику мафрашем, взревев, трогалась в путь.

...В моем представлении Коджори находились на краю света.

Однажды случилось так, что, выехав из города на рассвете, мы добрались до Манглиси к вечеру. Путь до Манглиси намного длиннее, чем до Коджор, тем не менее не превышает шестидесяти километров. Одолев крутые подъемы и бесчисленные повороты, благополучно миновав Табахмела и Коджори, наш «Линкольн» (на этот раз отец нанял «Линкольн») вырвался на простор высокогорных полей и, присмирив, покотил по ровной дороге, рассекая воздух знаменитой борзой на радиаторе. День выдался на славу. В бездонной синеве неба таяли сквозные облачка, верхушки чинар чуть клонились, овеваемые прохладой, над алеющими сре-



ди зелени маками конвульсивно порхали мотыльки. Ах, никто не мог предположить, какие неожиданности нас подстерегают!

Где-то на полпути от Коджори до Манглиси с нашим «Линкольном» начало твориться нечто невообразимое. Ни с того ни с сего он вдруг останавливался и так же беспричинно, рванув с места, бросался в погоню за обгонявшими нас машинами. Шофер пытался его урезонить, орудовал рычагами, нажимал на педали, — он продолжал поступать как ему заблагорассудится. Временами он стрелял, выбрасывая клубы черного дыма, причем впечатление было такое, что стреляет он во все стороны и что мы вот-вот взлетим в воздух. Наконец, отстрелявшись, он остановился, и на этот раз окончательно.

Мама была в полубморочном состоянии, но сразу же оправилась, как только отец обнаружил, что мафраш, привязанный веревками к багажнику, исчез. По всей вероятности, на одном из поворотов центробежная сила высвободила его из ослабевших от встряски веревок и он соскользнул на шоссе или даже свалился в ущелье. Огорчению мамы не было предела, и никакие уверения отца, что все пропавшие предметы он обязательно приобретет в городе и на днях доставит на дачу, не способны были ее утешить. Шофер, осмотрев машину и посоветовавшись с помощником, подозвал отца, и они вдвоем, шофер и его помощник, что-то ему начали объяснять, — отец молча слушал их, лишь изредка кивал головой. Потом он подошел к нам и сказал, чтобы мы сидели на местах и никуда не отлучались, они сейчас откатят машину к обочине и отправятся в ближайшую деревню за помощью.

Возвращения их я не дождался. Утомленный впечатлениями, я заснул, а когда проснулся, мы уже были в пути. Я было обрадовался, что едем, но то, что я увидел, выглянув из-за отцовской спины, повергло меня в отчаяние. Бедный наш «Линкольн»! Две пары буйволов лениво волокли по шоссе его бездыханную тушу. Он пе-

редвигался так медленно, что можно было, не рискуя отстать, соскочить на дорогу и шагать рядом. Впереди, свесив ноги, сидел на ярме восточного облика парнишка и подбадривал буйволов своими выкриками.

Отчаяние мое, однако, продолжалось недолго. Меня вдруг осенила мысль, что все события дня — и потеря мафраша, и неожиданное появление буйволов, и беснование нашего «Линкольна», в результате чего мы чуть не погибли, и его бесславная кончина — придают нашей поездке характер подлинного путешествия. Когда к вечеру подъезжали к Манглиси, я даже был рад, что мы привлекаем всеобщее внимание. Местные жители, замерев от удивления, глазели на нас изо всех окон, а дети, выбежав на дорогу, показывали пальцами и покатывались со смеху. Стоя в машине, несмотря на протесты мамы, я поднял руку, приветствуя их, как премьер-министр, и очень жалел, что нас не сопровождает эскорт мотоциклистов.

Эскорт мотоциклистов выплыл из более поздних воспоминаний; тогда о нем я и понятия не имел. Надо думать, впоследствии я видел кинохронику, в которой на меня произвел впечатление визит в чужую страну какого-нибудь Бриана или Ллойд-Джорджа.

Как известно, школьники делятся на тех, что отнимают завтраки, и на тех, у которых отнимают завтраки. Я принадлежал к тем, у которых завтраки отнимали. Большинство моих сверстников вообще относилось ко мне, как к мальчику ущербному — хотя бы потому, что я писал стихи. В старших классах (когда мы подросли, группы вновь стали именоваться классами) положение изменилось. Сочинительство оказалось делом почетным. Руководство смекнуло, что на мне можно заработать. Был у школы свой чемпион по шахматам, был свой математик, вмиг решающий головоломные задачи, — почему бы школе не иметь своего поэта? И когда, закрыв глаза на тройки, которыми пестрел мой дневник, меня стали демонстрировать гостям,

посещавшим нашу школу, мои сверстники в корне изменили свое отношение и ко мне, и к поэзии в целом.

Я хочу рассказать об одном эпизоде, связанном с моим увлечением поэзией.

К тому времени, о котором идет речь, моим кумиром стал Маяковский. Он пришел на смену Демьяну Бедному и вытеснил его из моего сердца. Бедный был поэтом и только, Маяковский же был поэтом с биографией, легендой. В десятом классе я уже прочел «Полутораглазого стрельца» Бенедикта Лившица, — книгу, сейчас, к сожалению, забытую, — и выпущенный в количестве семи тысяч экземпляров «Альманах с Маяковским». В них рассказывалось о бунтарстве футуристов, об их желтой кофте, о «Бубновом валете» и Бурлюке, о Хлебникове. Люди и события далекой эпохи вставали перед глазами, как в бинокле — приблизившись вплотную. Я жалел, что родился слишком поздно и упустил возможность быть к ним причастным.

В силу этого я пришел на школьный костюмированный бал в желтой кофте. На балу имело место все, что обычно имеет место на школьных балах. Помнится, было душно и пахло клеем. Я двигался в толпе тореадоров и арлекинов, непонятый, как Печорин, и когда члены жюри спросили, что должен означать мой костюм, — я ткнул себя пальцем в грудь и сказал: «Желтая кофта футуриста».

Эту желтую кофту мне помнили очень скоро — когда принимали в комсомол. Выяснилось, что в рядах комсомола нет места для молодежи, страдающей мелкобуржуазными пережитками. Однако наш комсомольский лидер смилостивился и сказал, что двери комсомола для меня откроются, как только мелкобуржуазные пережитки я в себе изживу. Я не очень понимал, что должен для этого сделать, но пообещал, что сделаю это обязательно. Видимо, я это все-таки сделал, потому что через пару месяцев меня в комсомол приняли. Так из-за желтой кофты я попал в комсомол лишь со второго захода.

...Но первый костюмированный бал, в котором мне довелось участвовать, относится к более ранним годам. Учился я тогда, кажется, во втором классе. Собственно, это был не бал, а театрализованное зрелище, состоящее из серии живых картинок. Нас, малолеток, к участию в живых картинках не привлекали, мы представляли хор и комментировали то, что изображали старшеклассники. Старшеклассники, которым мы после уроков остерегались попадаться на глаза, изображали плантаторов и рабов, буржуев, рабочих и пламенных революционеров. Запомнились двое верзил из 8-го «б». Один изображал Капиталиста, другой – Рабочего. Рабочий с разъятой цепью на груди ходил за Капиталистом по пятам, готовый в любую минуту опустить на его цилиндр бутафорский молот. Капиталист с болтающимся на шпагате моноклем все время оглядывался – не отстают ли Рабочий? Они олицетворяли классовую борьбу и торжество мировой революции. Никаких тореадоров и арлекинов, разумеется, не было, как, впрочем, и желтых кофт футуристов.

Желтая кофта, в которой я красовался на балу, была всего лишь маминой домашней кофтой скорее табачного, нежели желтого цвета.

Мама сидит перед зеркалом, дует на пуховку, пудрится, вертит головой, проверяя – идут ли к новому платью серьги, и вся она такая нарядная и душистая, а отец в накрахмаленной сорочке с золотыми запонками стоит позади нее, повязывает галстук, – они собираются в театр. Я их уже не увижу до утра, мне хочется зареветь, но я сдерживаюсь, и мама, перед тем как уйти, торопливо целует меня в щеку, вернее, прикладывается щекой к щеке. Я остаюсь с бабушкой.

Мы с бабушкой остаемся одни коротать зимний вечер, она приносит из кладовки тарелку с орехами, изюмом и сушеной тутой, трещат в печи поленья, нам уютно и хорошо, и я забираюсь с ногами на тахту, которая уже во все не тахта, а подводная лодка, и мне не страшны никакие аку-

лы и осьминоги. Над столом горит лампа с зеленым абажуром, окна зашторены, из океанских глубин я переношусь мысленно в далекие российские просторы, занесенные снегом, и мчусь в кибитке по бесконечному санному пути сквозь метель. Ни занесенных снегом просторов, ни кибитки я никогда не видел, но они до того мне знакомы по иллюстрированному однотомнику Пушкина, что я даже слышу звон бубенцов и вой волков.

Тихо, чуть нараспев, бабушка рассказывает сказки, я слушаю и верю каждому ее слову, радуюсь, ликую от радости, когда охотники освобождают Красную Шапочку, и печалюсь глупости козлят, давших так легко обмануть себя. От избытка чувств я целую бабушку в щеку, ощущаю нежную дряблость ее щеки и осторожно провожу ладонью по ее голове, по седым, почти невесомым волосам. Одна из сказок мне особенно по сердцу, и каждый раз, когда мы остаемся одни, я прошу бабушку рассказать ее. Это – сказка про кабиасов. На берегах озер, у подножия гор, в лесах живут кабиасы и с наступлением темноты выходят на большую дорогу вершить свои, кабиасовы, дела. Они небольшого роста, держатся стайками, у них вытянутые, как у мышей, мордочки; для устрашения они надевают на головы капюшоны, таращат глаза из круглых

вырезков. Горе путнику, не разминувшемуся в поздний час с кабиасами! Они его заманят в свои владения, и тогда никакая сила его оттуда не вызволит... Бабушка рассказывает, гаснет в печи огонь, веки мои постепенно тяжелеют, я засыпаю и, засыпая, прихватываю в свой сон пару пистолетов и длинное ружье, полученное в подарок на Новый год, – на случай встречи с кабиасами.

Утром на тумбочке рядом с кроватью я нахожу плитку шоколада с замысловатой картинкой, изображающей охоту на зайцев. Зайцы, преследуемые борзыми, разбегаются во все стороны, а два охотника стоят, вскинув ружья, из стволов которых вырываются языки пламени. Подпись под картинкой предлагает обнаружить среди кустов и деревьев третьего охотника.

Сказка про кабиасов была нашей с бабушкой сказкой, и мы, случалось, пугали друг друга, заговорщицки водя ладонью на уровне колена и тараща глаза. С тех пор о кабиасах я ничего не слышал. Каково же было мое удивление, когда через много лет упоминание о кабиасах я нашел у Ю. Казакова – в рассказе, который называется «Кабиасы». Вспомнились мне долгие зимние вечера, и страхи мои, и круглый стол под зеленым абажуром,





и отблески огня на стенах отчего дома. Любопытно, что за эти годы кабиасы почти не изменились, остались такими же, какими были в пору моего детства.

– Сколько раз я тебя просила не брать эту гадость в рот, – говорит мама.

Я молча продолжаю жевать.

– Ты слышишь? – спрашивает она. – Выплюнь сейчас же!

Я перестаю жевать, но не выплевываю.

– Нет, ты выплюнь. – Она берет меня за руку и подводит к перилам веранды. – Ну?!

Вобрав в себя воздух и сложив губы трубочкой, я выстреливаю жеваным комочком как можно дальше.

Сцена эта повторяется изо дня в день, сценарий заранее известен и мне и маме.

С утра я и Петька – сын вдовы-хозяйки, у которой второй год наша семья снимает комнату, отправляемся бродить по окрестностям Манглиси – удить рыбу в Алгетке, скитаться по лесу. Мы с Петькой одногодки, однако относятся он ко мне покровительственно, с крестьянской вежливостью к гостю. Ему доставляет удовольствие делиться со мной своим опытом, посвящать меня в премудрости сельской жизни, и хотя порой он удивляется, что мне неизвестны элементарные, по его мнению, вещи, в голосе его нет ни упрека, ни похвалы.

Нет, не Петька приобщил

меня к великой армии жующих смолу. Я и до Петьки жевал ее и даже покупал в мелких лавчонках – завернутую в фольгу. Но Петька научил – как самому добывать ее. Янтарную смолу, застывшую на стволе сосны, аккуратно снимают ножиком и, покатав в ладонях, отправляют за щеку. Поначалу привкус хвои неприятен, но потом – то ли он исчезает, то ли привыкаешь к нему – наступает блаженное состояние, когда не в силах ни выплюнуть комочек, ни прекратить жевать его. Все мальчишки нашей школы и все мальчишки других школ жевали смолу, да что мальчишки! – взрослые дяди жевали ее до одурения... Всех этих «ринглейзов» и «тутти-фрути» тогда и в помине не было, о существовании жвачной резины мы и не подозревали, мы с утра и до вечера жевали смолу, и называлась она тогда – кэва.

...вот и умер Юрий Казаков, так я с ним и не познакомился.

Старая часть города напоминала Багдад. Восток жил в многоязычном, пестром и крикливом Майдане. Майдан – это город в городе. Его населяли ремесленники и торговцы. Здесь весело работали и шумно торговали. Стучали молоточками чеканщики, и вспыхивали в их руках газыри, как осколки солнца; раскачивали утюги портные, дули на угли, и рвались из утю-

гов фейерверки искр во все стороны; водовозы предлагали кружку воды, которая, если им верить, была слаще меда и шербета; тачали сапоги сапожники, уверяя, что такие сапоги носил сам граф Воронцов-Дашков; на виду у всех мылили щеки клиентам цирюльники, перебрасывались шутками с толпящимися вокруг зеваками; в кузнях громовержцы ворочали раскаленным железом и били молотом, и от каждого удара содрогалась и стонала земля; грузчики готовы были взвалить на спину весь мир и тащить его на край света.

Груженные арбузами и дынями, скрипели арбы, на тележках, запряженных осликами, сверкали пирамиды баклажанов и помидоров, визжали поросята и блеяли овцы, кричал нараспев кинто, держа на голове огромный деревянный поднос с фруктами, величественно шествовал караван верблюдов с тюками, набитыми коврами, шелками, рисом и пряностями. Здесь торговались долго и упорно, ссорились, божились, ударяли по рукам. И среди этой толчеи и гомона, безучастные ко всему, сидели перед магазинчиками старики, курили чубуки и перебирали четки, – казалось, они сидят здесь давно и будут сидеть вечно.

Над Майданом волокнами стлался божественный запах люля-кебаба. В погребках пили вино – на радостях, если торговля шла хорошо, и от печали, если торговля шла плохо, и просто так – за компанию. На тротуарах в мешках продавали похожие на маленькие коробочки хлопка баты-буты – взорванные на раскаленных противнях кукурузные ядра. И рядом кебабчи, швырнув горсть лука и барбариса на лаваш, заворачивал в него тельце кебаба и вручал покупателю, как букет цветов. «Не забудь ребенка покормить кебабом», – говорила мама отцу, собирая нас в баню.

Я застал лишь закат Майдана, его угасание.

...о Багдаде я имел представление по «Багдадскому вору» с Дугласом Фербенксом.

(Продолжение следует)

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР СОВРЕМЕННОСТИ



გალინა ვოლჩეკი
თეატრი როგორც პედისნერა
ღია დიალოგი მაყურებელთან

ГАЛИНА ВОЛЧЕК
ТЕАТР КАК СУДЬБА
ОТКРЫТЫЙ ДИАЛОГ СО ЗРИТЕЛЯМИ

21.05
19:00



ШИОМГВИМЕ

Фото Александра СВАТИКОВА